

СМЕНА

22 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

22 НОЯБРЬ
2000

Год издания тридцать седьмой.

«Одобрить патротическое начинание бригады Юрия Топилина [инструментальный цех станкозавода имени Орджоникидзе], направленное на повышение роли рабочего коллектива в воспитании трудящихся и дальнейшее развитие соревнования за коммунистический труд, вовлечение в это соревнование новых участников.

Обязать РК КПСС, МГК ВЛКСМ, МГСПС шире распространить опыт бригады Юрия Топилина на всех предприятиях, привлечь к этой работе пропагандистов, лекторов, агитаторов».

[Из постановления бюро МГК КПСС].

Сегодня в номере мы рассказываем о Юрии Топилине и его друзьях, о замечательной инициативе, родившейся в их коллективе.

Юрий ТОПИЛИН

Фото Г. Дубинского

ЧУДЕСНЕЙ ЛЮБОЙ СКАЗКИ

Вы помните, как два года назад, в такие же, как сейчас, прозрачные осенние дни, страна узнала о новом движении — соревнованиях за коммунистический труд, за коммунистический быт. С каждым днем они привносили новый размах. Прошло два года борьбы и свершений, поисков и надежд.

Теперь последовательно рабочих дедо Москва-Сортаволовская более пяти миллионов! Это люди с крепкими руками, твердым словом, чистой душой.

Что же заставило их отказаться от привычного ритма жизни, подняться на новую, более высокую ступень творчества? Стремление построить коммунизм. Стремление сделать это как можно быстрее.

Вот почему каждый день приносится им вступление в соревнование новых коллективов, ознаменованное трудовыми победами. Но радует в этих сообщениях не только количественный рост огромного отряда, работающего на благо будущего по-коммунистически, а и то, что его бойцы не устают стремиться на достижимые, постоянно ищут, качественно улучшать свое движение.

Сегодня мы рассказываем еще об одной инициативе, которая принадлежит молодым рабочим Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе.

Все в инструментальном цехе удивились, когда узнали, что сильнейшая на заводе бригада решила рассстаться с двумя лучшими рабочими, кандидатами в члены партии Николаем Ворониным и Леонидом Антоновым. Как же это? Рабочие работали дружинами-группами, и друг — на тебе... Что же там произошло?

Три года назад в цехе было созданы комсомольско-молодежные бригады. Тогда-то, работая бок о бок, подружились Николай Антонов и Леонид Атав. Владимир Никаноров и Бронислав Трусов, Николай Воронин и Юрий Топилин.

Шесть человек. Шесть характеров. Антонов — деловитый, немногословный; Атав — блажутик и острик. Воронин — неторопливый,

добродушный. Никаноров —держаный, серпзенный. Трусов — шумный, чутко-уверенный. Топилин — юный, смешливый.

Разные люди. Разные наклонности. Николай Воронин увлекался спортом, Леонид Атав — фотографией, Владимир Никаноров — комсомольскими делами...

И все же, несмотря на нескромность, внешнюю и внутреннюю, у этих ребят было много общего: все молодые — самому старшему двадцать пять лет, все дисциплинированны — умели побывать в армии, у всех огромная тяга к учебе, а главное — всему очень хотели учиться, чтобы бригада стала одной из лучших на заводе. Вокругом единогласно выбрали Топилина. А потом начали действовать, осуществляя свои планы — общие и личные.

А спустя год, когда страна усыпалась о почине комсомольцев из дела Москва-Сортаволовская, топилинцы одними из первых вступили в борьбу за звание бригады коммунистического труда. Для этого у них было много причин.

Вспомнили прошлый Не ниже стандартов, ста десяти процентов. Поведение? Образцовое. Учеба! Все занимаются: кто в школе, кто в техникуме, кто на курсах повышения квалификации. Дружба? Настоящая, искренняя.

Когда же Леонид Атава не принимали до конца в детский сад, всей бригадой ходили, добивались. Стал отцом. Бронислав Трусов — тут же помчались в магазин за подарком. У Владимира Никанорова что-то не ладилось с работой, и все же спешно ему помогли — Антонов. В общем, истинная дружба в больших и малых, а не по праздникам или памятным датам.

Через год бригаде присвоили звание. А вскоре случилось на первый взгляд непонятное. Казалось, радоваться надо. И хотя топилинцы в общем-то радовались, но у них исчезло спокойствие. Появилась даже какая-то тревога, ну, а дальше чтоб Неужели это предел?

Однажды собрались в конторке старшего мастера участка Федора Михайловича Бочарова. Заговорили все сразу, горячлись, перебивая друг друга. Конечно, мы «хорошие», мы «передовые»! А как же другие?

— Надо их подключать! Помогать — и так помогаем. Но это же от случая к случаю.

Спорили, шумели, решали... Федор Михайлович переводил глаза с одного возбужденного лица на другое. Радовался. Это хорошо, что интересно. Значит, думают. Значит, бесконечно. Значит, близки и вероятны выводы. Потом осторожно спросил:

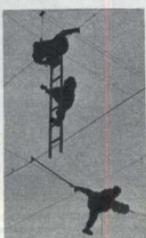
— А не взять ли вам к себе двух-трех человек, так сказать, «хоккейных»? А кто-нибудь пусть возглавит новую бригаду...

Вот почему все удивлялись, когда Воронин и Атав ушли от Топилина.

Но еще больше недоумевали, когда узнали, что ребята взяли на их место троих.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОДАРОК РОДИНЕ СДЕЛАЛИ МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ И МОНТАЖНИКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ МОСКВА — ИРКУТСК

Читайте очерк
В. САККА
«ИДУЩИЕ
НАД РЕЛЬСАМИ»

ЧТО МЕШАЕТ УСПЕШНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ КАМ-
СКОГО ЦЕЛЮЛЮЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА!

Ответ на этот вопрос вы найдете на стр. 8.

Выдающегося советского спортсмена Петра Болотникова знает сейчас весь мир. О том, как пришел в большой спорт П. Болотников и как он добился замечательных результатов, рассказывается в очерке «СОПЕРНИК ВЕТРА».

См. стр. 26.

О героическом, самоотверженном труде комсомольцев, сооружающих в непроходимой тайге дорогу к советской алмазной столице городу Мирному, повествуется в очерке

«ПОБЕЖДЕННЫЙ
АДАМАС»

— так называется статья о по-
вествиях А. Гладилина, опубликован-
ная на стр. 11.

В кризис
зеркале
парадоксов

ОБРАЩЕНИЕ БРИГАДЫ Ю. ТОПИЛИНА К НОВОЙ БРИГАДЕ ТОВ. ВОРОНИНА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ.

Был вдогда для рабочими с Балтии в Одессу трудовая братская колонизация. Был вчесте трудящийся, вчесте преодолевший трудности, вчесте учимо, вместе делами разорен и изгнан.

Лишнее же нам колесить: на мазах дурачку другу мы забываем склоним и некоторые смели отца.

Вот и вчесте встало лицо главного начальника Юрия Топилина коммунистического труда.

И вот, начав братью, решив, что коммунистический коллектив дорог до твоих кровей, что мы можем не только гордо работать сам, но и болезненно думать о подвиге, наложено за становиться впереди работы борьбы За коммунизм!

Этот же факт шокировал твой здравомыслие, чтобы преобразить чрез, в занятии и табор в предчувствии коммунистического труда.

Да, братья! Надобночи Воронин и Атлас, кощина на то, уходи обратно в сознательное братство и, исподволь наш общий

отходит, склоняю се и побеги на борьбу За Землю бригады коммунистического труда.

Приветствуйте это благородное значение и боевая сила фронтности, чию бы преобразование все трудности, которые встанут на Вашем пути, откроены, что в новой бригаде Вы сократите практики нашей старой коллектива.

Бесстрашный братец! Крепко помагай друг другу — братца предводитель! Да счастья огня за всех!

Больше брата блаже друг с другом и в группе и в бригаде и в побеге — бывших друзей.

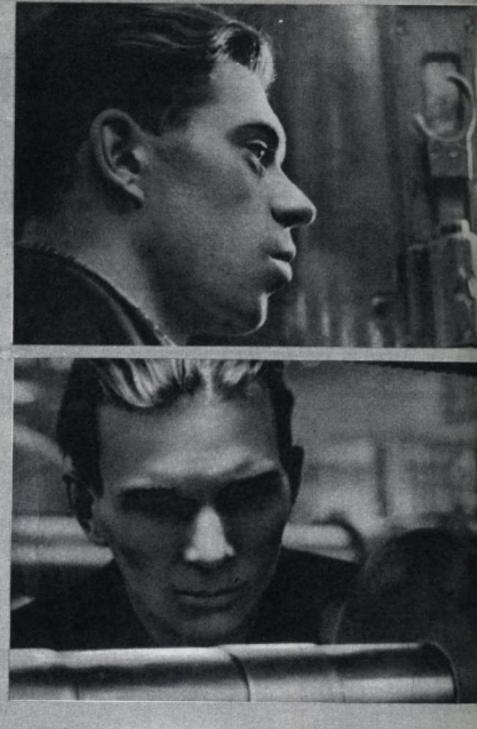
наша бригада всегда рядом с Вами.

Ширица бригада помехам Вам.

Ваша фронтность наши трудности.

Ваша честь — наши успехи.

У нас общая великая цель — Коммунистика.

...Людмила Шмелева поступила на завод, окончив десятилетку. Понти три года проработала она горняком. А учителя ее не видно. Александра Пирожкова, работавшего в цех после армии. Если о нем заходила речь, то говорили о том, что Александр — страстный сбыватель эстрадных пластинок. И только. О Геннадии Миничеве знали лишь, что он вернулся из заключения, трудится старательно, но толку пока мало... Вот таких-то людей принял к себе бригада коммунистического труда Юрия Топилина.

Именно в эти дни коллектива взял на себя новые обязательства помочь тем новичкам стать удивителями коммунистического труда, повседневно совершенствовать свою производственную квалификацию, овладеть еще одной родственной профессией, в течение года добиться повышения разряда и на этой основе обеспечить, начиная с октября 1960 года, ежемесячно выполнение плана на ниже чен на 105—110 процентов при высоком качестве продукции. Повышать свой общебразобразовательный уровень. В целях быстрейшего технического перевооружения цеха и завода подать не менее чем по двум-трим рационализаторским предложениям. Активно участвовать в общественной жизни предприятия. Коллективно, с семьей проводить свой досуг.

Прошло немного времени, а новичков не узнать. Они стали выполнять норму, включаясь в соревнование за звание ударников коммунистического труда. А главным соревнованием у них стала соревнование друг с другом. Потому что чувствуют: полем друзья, которые разделяют и счастье и горе.

Людмила Шмелеву приняли во Всесоюзный вечерний машиностроительный институт. Как все этому радовались! С какой гордостью сообщали каждому:

— Люся-то наши в ее пятерке сдана!

Вот какая она, топилинская бригада, бригада, по перековкам людей, как ее называют?

Юрий Топилин говорит обо всем этом немногого:

— Как-то не вязнут слова иннициативы, «очкини» с тем, что мы сделали. Ничего ведь выдающегося! Просто было совсем, что сами чего-то добились, а некоторые наши товарищи не справляются с работой, не участвуют в общественной жизни, короче, стоят как-то на отшибе.

Логично было самому чего-то достичь. Труднее, чтобы тоже это достиг товарищ. Вот и решили взять ребят к себе.

Станок Люси, как и в то время, когда она не была в нашей бригаде, стоит рядом с мони. Но теперь я чувствую за нее большую ответственность. Тем более, она у

нас единственная девушка, мы должны о ней заботиться. А в общем-то, все обыкновенно...

Геннадий МИНАЧЕВ рассказал о себе просто, охотно, не стараясь оправдать свое прошлое. И лишь по тому, как он настойчиво ищет по карманам папкирысы и снимки, понятно: волнуется перед... — Приехал на заключения — и сразу на завод. На одном повертили документы и отдали назад, на другом... А здесь надо. Стал я работать на станке. Ко мне — особенно никто, и я — особенно ни к кому. Зачем? Может, людям неприятно... А потом задумал уходить: дело-то не кипело, да и зарабывал мало. И тут мне здорово помогли — и Федор Михайлович и ребята из топилинской бригады — советские, вниманием.

А совсем недавно взяли и себе. Относится замечательно, никогда ни о чем не напоминают. И я сейчас чувствую среди них настоящий человеком. В общем, как в сказке!

Беседую с Федором Михайловичем БОЧАРОВЫМ.

— Топилинская бригада была самая сильная на заводе, — говорят мастер. — Ей и надо было первое слово сказать...

У Воронина, который возглавил новую бригаду, где четверо новеньких, тоже все идет хорошо.

Недавно они всем коллективом вступили в соревнование.

Их было шестеро. Теперь, в целом, они взяли под свой контроль семерых. Неплохая арифметика, верно?

Заместитель секретаря заводского комитета комсомола Елена ЧЕРНОБРОВИНА свободны приходит в любые цифры:

— Больше ста бригад, бригад соревнуются у нас за звание лауреатов коммунистического труда. В их составе около полутора тысяч человек. Десять бригад — девять из них комсомольско-молодежные — уже получили звания.

Почти топилинцы подхватили на заводе широко. Свыше двадцати бригад уже последовали ему. Только в них вошло около пятидесяти человек, раньше не участвовавших в соревновании.

Думаем, что в ближайшее время все бригады, соревнующиеся и получающие звания, последуют этому примеру...

Хорошее дело всегда привлекает известность. Инцидента молодых строительств уже нашла отклик на многих предприятиях страны. О ней ведь говорят, ее везде горячо обсуждают.

Юрий Топилин докладывал о начинании своей бригады на бюро городского комитета комсомола. Инициатива ребят была одобрена и на бюро МГК КПСС.

НИКОЛАЙ ВОРОНИН
и член его бригады
НИКОЛАЙ САТАНИН.

ЛЕОНІД АТАЕВ.

— Замечательное дело придумано, — говорит первый секретарь Московского горкома комсомола Ариадей СОСИН. — Это своеобразный отклик на постановление Центрального Комитета о партийной пропаганде.

Вот мы призываем доходить до каждого человека. А как! Подчас люди этого и не знают. Ограничиваются общими разговорами. А топилинцы нашли ясный, конкретный путь.

Они исходили из того, что хороших людей у нас гораздо больше, чем плохих и даже средних. Так неужели нет способов помочь взять под контроль? Ребята не побоялись стать воспитателями своих товарищей. Этот факт говорит о большой политической зрелости молодых рабочих.

Я уверен, что почин бригады Юрия Топилина быстро распространится не только по промышленным предприятиям столицы, но и на стройках, на транспорте — словом, везде, где есть беспокойные, ищущие, пытливые люди, не желающие почивать на лаврах.

Да, на первый взгляд как будто ничего особенного не сделали Юрий Топилин и его друзья. А если вдуматься, становятся очевидными, насколько это важно, интересно, благородно!

«Мы в ответе за все, что происходит при нас», — считают топи-

линцы. И они правы. Разве достоин уважения тот, кто заботится только о собственном благополучии, о собственной славе?

Сами рабочие стали наставниками своих соседей по работе. В этом знамение нашего замечательного времени, порождающего таких ищущих, неравнодушиных людей.

Бес покойство. Нежелание стоять на месте. Постоянные поиски нового, лучшего, передового... Не это ли характерные черты нашего молодого человека, нашего современника? Такие люди, как Гагарина и Мамай, Пронкин и Топилин, и многие тысячи других, похожие на них, однозначно покорят наше поколение. Мы вправе ими гордиться.

Нет сомнений, что почин бригады Юрия Топилина распространится по всей стране, потому что хорошему делу у нас всегда широкая дорога.

— Мечтая о честном труде, о добрых товарищах, представляя себя в этой новой, красивой жизни, Геннадий Миничев не раз повторял свое любимое выражение:

— Как в сказке!

Мне хочется внести в эти слова существенные изменения.

Но как в сказке, Геннадий, а как в жизни! Большой, настойчивый, светлой жизни, которая чудесней любой сказки.

В. ГОРДЕЕВА

— Марк СЕРГЕЕВ

Д О Р О Г А

Трое ушли в тайгу,
Оставив следы на снегу.
Цепочкой — за следом след.
Но это трошка, нет.
За ними отправились сто,
Троица пролегла между кустов,
Трона, не какой-то след,
А все же не дорога, нет.

Арогра проходит напротив,
Напоследок тайгу расковал.
Сияющий паровозный крик
И великий лосиний зов.
Арогра проходит прямая,
Как сесты у тех, троих...
Она рассставит дома
В дебрях ичера глахих,
Она под седа подомнет

Все троны и все следы...

Расчеты туннелей, мостов
Рядом в дневник легли
С тяжелостью гордым слов:
«Сделано все, что смогли».

Трое ушли в тайгу,
Оставив следы на снегу.
Цепочкой — за следом след.
Но это не трошка, нет...

Зато от ходомыслов
Разделят предгорья Саян
Производительный крикун гудков
Над таежным простором глухум
Арогра «Тайшет — Абакан»,
Как памятник тем, троим.

Р А Б О Ч И Е Р У К И

Резкий голос сирены
Был чист и высок,
На мгновенье застыли
Строители,
Гости.
И до самого неба
Всплыла песня
Словно брошенный вверх
Величественной горстью.
И когда
Постепенно утих каминада
И бетонная пыль
Постепенно осела,
В котловане
Вода откатилась назад,
Но пробиться
Река в котловане не сумела.
Над толпой
Пошла настороженный гул,
Люди к землемеру броснули
Линии в тревоге:
Видно легко
Перемычку перечеркнула,
Но вода
Не напала в ней дороги.
И тогда подъявник
Итлигин, Василь
К Ашагре,
Посиневшей уже от натуги,

Подошел,
Отрихнул с себя серую пыль,
Протянул ей на помощь
Руки, руки.
Им, железнам,
Такая претрада мала:
Вырвал камень,
В песке
Желобок проложил он,
И живая вода
За рукими пошла
И забилась,
Как кровь в человеческих жилах.
По-хозяйски
Она обволала котлован,
Пермячка
Красными лачами раздвинув,
Унесла в океан
И строительный мусор
И желтую глину.
Вдоль лесных берегов,
Меж бетонных щебняк
Побежала она из излука к излуке,
Чтобы слить отныне
Во веки веков
Всемогущие руки,
Рабочие руки.
Г. Иркutsk.

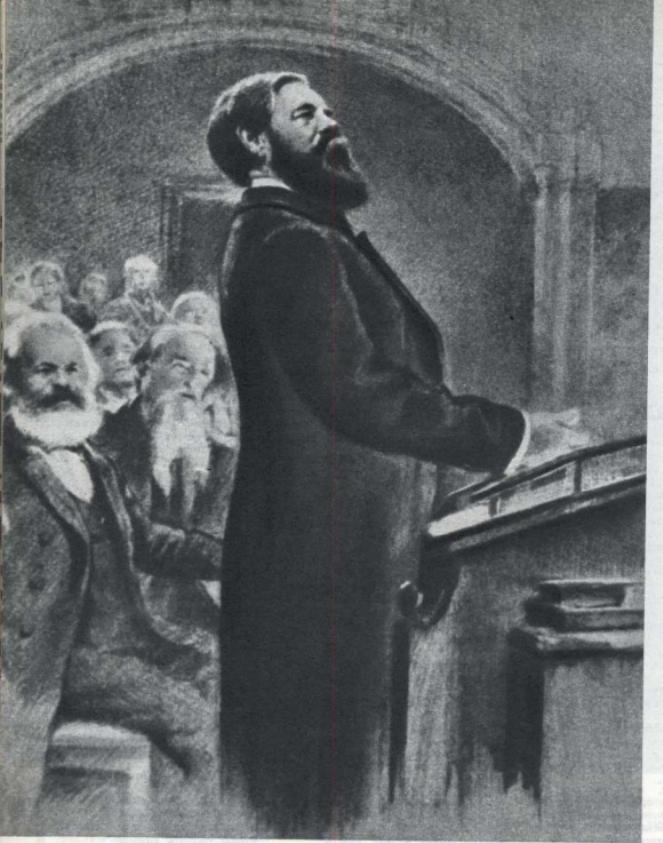
Михаил АСЛАМОВ

УЕЗДЯЮТ МОНТАЖНИКИ

Бессемейные,
безбагажные,
В руки — легонький чемодан,
Уезжают друзья-монтажники
На тревожный зов телеграмм.
Телеграммы зовут...
И, стало быть,
Где-то ждут их,
Где-то монх друзей.
Ожидают их
звонкие наузы
Начинаяющихся кораблей!
Не из выгоды —

сердцем велено
Отправляться в далекий путь,

Чтоб в стальной грудь
корабельную
Бес покойную жизнь вдохнуть!
...А когда
от сердцебиения
задрожат стальные бока,
На пропаще,
сдергив волнение,
Скажут парни: — Ну, пока...
— Ну, пока...
И гудком простуженным
Паровоз известит отъезд.
Хорошо, если где-то нужен ты,
Как монтажники,
позарез.
г. Хабаровск.

Эта историческая встреча состоялась в конце августа 1844 года в Париже.

В одной из комната небольшого дома на улице Виньо по письменным столам, углубившиеся в рукописи, сидел коренастый молодой человек, смуглолицкий, темнобородый, с гризой искинно-черных волос, обрамлявших прекрасный высокий лоб.

Это был Карл Маркс, двадцатишестилетний немецкий революционер. Вынужденный покинуть свою родину, изнемогавшую под гнетом феодально-бюргерского строя, он переселился в «столицу мира», как называли в то время Париж, чтобы вести здесь ревolutionный социалистический журнал.

Такой журнал немецкому эмигранту с большими трудностями удалось выпустить в феврале 1844 года. Он назывался «Немецко-французский ежегодник».

В нем Маркс напечатал две статьи немецкого юноши, который прислали их в Париж из Англии, где он работал на манчестерской текстильной фабрике конторщиком. Юношу звали Фридрих Энгельс. Статью Энгельса «Наброски к критике политической экономии» Маркс ввел впереди оценкой как первый гениальный труд в области политической экономии пролетариата. Маркс в этом журнале выпустил уже как коммунист «аппелляционный к массам и к пролетариату».

В лице Энгельса Маркс нашел единомышленника. Им надо было встретиться, надо было рассказать друг другу о своих научных и революционных замыслах. Но как?

...В эти теплые августовские дни Маркс в одиночестве сидел над рукописью. Вдруг раздался стук дверного молоточка. И в комнату вошел высокий, красивый, русоголовый юноша, наряжен одетый, с небольшой ряжей бороды и бакенбардами. Это был двадцатичетырехлетний Фридрих Энгельс. Он направился к себе на родину, в Германию, и по пути остановился в Париже, чтобы встретиться с Марком.

В течение десяти дней они ежедневно виделись друг с другом. Во время задушевых бесед выяснилось полное единомышленства этих двух людей, различия путем принадлежности к коммунистическому мировоззрению. С того времени и началась небывалая в истории дружба, боевой союз двух гениальных людей, их великая совместная научная и революционная деятельность, их борьба за счастливое коммунистическое будущее человечества.

Маркс и Энгельс поставили своей задачей соединить социализм с рабочим движением.

Их первая книга, труда была книга «Святое семейство» или Критика христианской критики». В ней Маркс и Энгельс решительно выступили против своих бывших философских единомышленников, братьев Бруне и Эдварда Бауэрса и Макса Штирнера, именовавших себя представителями критической философии (отсюда путевидное название книги). Эти «критические личности» возомнили себя «героями», презрительно относились к «непропещенной массе», к «толпе», чурались политической борьбы и паршили в философских небесах. В «Святом семействе» Маркс и Энгельс проводят замечательную мысль, что «народ является основной движущей силой истории».

В 1845 году в Лейпциге выходит знаменитая книга Энгельса «Положение пролетариата класса в Англии». И до Энгельса многие изображали страдания пролетариата. «Энгельс первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс; что именно то позорное экономическое положение, в котором находится пролетариат, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. А борющийся пролетариат сам поможет себе», — писал В. И. Ленин.

Вследствие разрыва с отцом, возмущенным революционной деятельностью сына, Фридрих покинул дом. Он направился в Брюссель, где жил Маркс, высланный из Парижа премьер-министром Гизо по требованию прусского правительства.

В Брюсселе Маркс и Энгельс работали над вторым своим крупным произведением — «Немецкая идеология». В нем сделаны основные наброски гениальной теории коммунистической революции.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ НА ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ 1-ГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Рисунок И. Жукова.

НЕБЫВАЛАЯ В ИСТОРИИ ДРУЖБА

(К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА)

В 1846 году Маркс и Энгельс основали в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет — специальный организационно-политический центр для установления связи с разбросанными в Германии, Англии, Франции, Бельгии и других странах рабочими революционными группами. Комитет, сплачивая разрозненные пролетарские организации, одновременно вел борьбу с враждебными пролетариату сектантскими течениями. Маркс и Энгельс подготавливали создание революционной рабочей партии.

Второй конгресс Союза коммунистов состоялся в Лондоне в ноябре — декабре 1847 года. (Первый конгресс состоялся незадолго до этого, тоже в Лондоне.) Маркс и Энгельс с большой энергией и отменной организаторской отточенностью на нем, в немецких, английских, французских, итальянских лягушках коммунистические принципы. После долгих прений конгресс принял доклады Маркса и Энгельса и поручил им составить программу союза — «Манифест Коммунистической партии». В феврале 1848 года этот первый программный документ коммунизма вышел в свет. Не успел он появиться, как в Европе — Италии, Франции, Германии и других странах — вспыхнули предсказанные им революции.

В апреле 1848 года Маркс и Энгельс прибыли в Кельн, где основали знаменитую «Новую рейскую газету» — «орган демократии». Маркс был главным редактором газеты, Энгельс — одним из ее руководителей и автором многочисленных блестящих политических статей. Маркс восторженно писал Энгельсу: «От настоящей энциклопедии способен работать во всяком часе дня и ночи, поглощая еди и натощак, быстро пишет и собирается, как черт».

Энгельс активно участвовал в воспринимаемой ими всевозможной весной 1848 года в Западной и Южной Германии, обнаружив замечательные качества смелого, решительного и хладнокровного воина. «Самые решительные коммунисты были и самыми смелыми солдатами», — писал Энгельс о по-восточному армии. Революция была подавлена, и в конце 1849 года Маркс, а вслед за ним и Энгельс эмигрировали в Англию.

Редактор американской демократической газеты «Нью-Йорк дейлс трайбл» Чарльз Дай назаказал Маркусу статьи, посвященные революции в Германии. И Энгельс, чтобы помочь своему другу, занятому подготовительными работами к своему огромному экономическому труду, взял на себя написание этих статей, из которых и составилась знаменитая книга «Революция и контрреволюция в Германии». В этой книге, как и в любой теоретической глубокой, ясной и ярко написанной ход и исход революций, что отчуждались революции. Долгое время это произведение привлекало Маркса, и только много лет спустя после выхода его в свет человечество узнало, что ее автором был самоутверженный друг Маркса — Фридрих Энгельс.

Маркс и Энгельс в течение двадцати лет — с 1850 по 1870 год — вынуждены были жить в разных городах: Маркс — в Лондоне, Энгельс — в Манчестере. Нужда душала Маркса и его семью, свела к моргули четырех его малолетних детей. Иногда Маркс в течение нескольких недель не имел возможности выйти из дома: для того, чтобы обеспечить семье хлебом и картошкой, он должен был сдать обувь в ломбард под залог.

И Энгельс, чтобы поддержать материально своего друга, работавшего над главным трудом своей жизни — «Капиталом», писал на германский постулат: «Я, пожалуй, и «собачьи» хлеба, мир торгащества и насилия, от добровольно пошли на службу в точесильное предприятие Манчестера, совладельцем которого был его отец. Вначале Энгельс работал конторщиком, затем доверенным, а впоследствии стал пайщиком этой фирмы.

Маркс вынужден был принять жертву своего друга. Только это и дало ему возможность «работать для человечества», создать свой труд, который он образно называл самым страшным спиритом, который когда-либо был пущен в голову буржуазии. И когда

в 2 часа ночи 16 августа 1867 года Маркс закончил корректуру последнего листа первого тома «Капитала», он с чувством величайшей любви и благодарности написал Энгельсу: «Дорогой Фред! Только что закончил корректуру последнего (49-го) листа книги... Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это оказалось возможным! Без твоего самопожертвования для меня и ни за что не смог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимай тебя полный благодарности!.. Принеси мой дорогой верный друг! Твой К. Маркс».

Маркс и Энгельс приветствовали национально-освободительную борьбу стран Востока,

рассматривая ее как союзника европейского революционного движения. С недоверием отвергали Маркс и Энгельс лживые теории расистов о «неполноценности», якобы присущей колониальным народам.

В письме к К. Каутскому (1882 год) Энгельс пророчески писал, что грядущая социалистическая революция окажет свое революционизирующее влияние на колониальные и зависимые страны. А рабочий класс, завоевав политическую власть, покончит со всеми национальными, колониальными гнетами. Ибо, как говорил Энгельс, выступая в своем молодые годы на митинге в Лондоне в один из создания Союза коммунистов, «нанская нация не может стать свободной, прополжая в то же время угнетать другие нации».

Много было сделано Энгельсом для создания и развития марксистской военной науки. Маркс очень высоко ценил военные знания своего друга и нередко обращался за советом к своему «военному министерству в Манчестере». Провозне «генерал», данное Энгельсу в семье Маркса, прочне утвердилося за ним.

Энгельс восстал против утверждавшегося в реакционных кругах, особенно в немецкой, литературы, согласно с абсолютной неизбежностью войны, против того положения, что причины войны коренятся «в крови народов», в «любви к войне». Войны, по Энгельсу, не являются явлением спутником истории человечества, они исторически преходящее явление, причины их коренятся не в прирожденной склонности людей к войнам, а в существовании частной собственности на средства производства, в эксплуатации человека человеком. Выступая на ХХ съезде КПСС, великий борец за мир Н. С. Хрущев доказал, что в современную эпоху нет фатальной неизбежности войны.

Ленин справедливо считал Энгельса великим теоретиком военного дела, социополитиком марксистской военной науки.

Маркс и Энгельс стали вождями знаменитого Международного товарищества рабочих — I Интернационала (1864—1872 годы), заложившего фундамент международного рабочего движения.

К вакансии вождя Интернационала Маркс и Энгельс приветствовали Парижскую коммуну 1871 года — это духовное деттище Интернационала. Друзья помогали коммунарам, против которых ополчилась международная реакция, и открыли всему миру великое историческое значение Парижской коммуны как первого опыта диктатуры пролетариата.

По совету Маркса Энгельсом в 1877—1878 годах была написана серия статей против системы мелкобуржуазного социализма профессора Дюринга, к которым оппортунистическим идеям которого склонялись довольно многие представители германской социал-демократии, как говорил В. Ильин. Из этих статей составилась генеральная книга «Анти-Дюринг и некоторые вопросы антибуржуазного марксизма». Маркс просмотрел эту книгу в рукописи и написал специальную главу в разделе политической экономии.

14 марта 1883 года международное движение понесло тяжелейшую утрату. Умер великий Маркс. «Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которым оно в наше время обладало», — писал Энгельс в эти скорбные дни.

Он взялся за титанический труд по завершению и подготовке к печати II и III томов «Капитала». Ему пришлоось расшифровывать чрезвычайно трудный, мельчайший почек

Маркса, сопоставлять различные варианты, собирать отдельные части. Эта работа продолжалась многие годы.

«Издание II и III томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимые черты выразил и свое собственное имя. Действительно, эти два тома — это твой двоих: Маркса и Энгельса» (В. И. Ленин).

Еще при жизни Маркса Энгельс работал над своим трудом «Диалектика природы», который представлял собой гениальный опыт философского обобщения результатов современного ему естествознания.

После Маркса Энгельс один продолжал

творческую разработку новых проблем научного социализма. Маркс предложил написать труд по истории первобытного общества.

Но смерть помешала ему осуществить это наследие. Энгельс в 1884 году создал замечательную книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которую он рассматривал как дополнение завещания Маркса. В чисто других вопросах, поднятых Энгельсом в этой книге, он рассматривает проблему любви и брака.

В 1888 году вышла замечательная философская брошюра Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

«После смерти Маркса Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов. К нему одинаково обращались за советами и указаниями и немецкие социалисты... и представители отсталых стран,— например, испанцы, румыны, русские... Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса» (Ленин).

Маркс и Энгельс на протяжении многих лет привлекали огромный интерес в России и способствовали русскому народу и его культуре, к русскому революционному движению. Если собрать воедино все написанное ими о России, то это составило бы по крайней мере три тысячи томов. Следует показать, что до сих пор не вышло в свет такого издания.

Маркс и Энгельс в 1882 году написали прядисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», вышедшему в переводе Плеханова. В нем они утверждали, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе».

В своем письме к Плеханову от 8 февраля 1895 года, восхваляясь нарастанием революционного движения в России, Маркс писал, что «если движение в России соединится с движением в Европе, так это — Николай II».

Через два десятилетия после того, как были написаны эти строки, «дьявол революции» действительно свирепил весь царский самодержавие. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало первому в мире советскому социалистическому государству во главе с его основателем — Лениным.

Мечте Энгельса «заглянуть в ХХ век» не суждено было сбыться, 5 августа 1895 года в Лондоне на 75-м году жизни он скончался. Согласно воле Энгельса, урна с его прахом была опущена в море, у Истборна, близ Торнбери, где он так любил отдыхать.

Когда Маркс и Энгельс в сороковых годы прошлого столетия начали свою историческую деятельность, они окружили себя небольшой группой последователей и лишили «призрак коммунизма» борьбы по Европе. Торжествующий капитализм шел на смену封建ально-крепостническому строю.

Ныне капиталистический строй идея под уклон, а социалистический лагерь все больше набирает силу. Социализм уже торжествует в странах с населением, составляющим более одной трети всего человечества. Ныне 36 миллионов коммунистов идут в авангарде народов мира.

Пройдет века, но никогда не изгладят в памяти благодарного человечества имена Карла Маркса и его верного друга и соратника Фридриха Энгельса.

Л. ЯКОБСОН,
доцент

Л. КОКИН

ЦЕХ ИСПЫТАНИЙ

РАССКАЗ

Тяжелый каток по-прежнему утюжит асфальт у пересада, и отлепившаяся афиша поглощается на ветру возле клуба, словно ничего не случилось.

Быстро в проходной, взглянув на покалеченную машину, только машина рулевой: проезжий, горячим. Ни в чем не виноват, сорасывая газ, меняет штрафником разговор с Дыченко.

Я боюсь не одного Дыченко. Я боюсь каждого встречного, и мне хочется бежать без оглядки. Бросить машину и убежать, спрятаться, чтобы долго искали и не могли найти, как было в детстве, когда набедокуришь. Покуда стишут, натревожившись, мама простит тебе твои прегрешения, вы всплакнете вместе, и все хлопают рукой сметят...

Затормозив в цеху, я бегом, разожгну склонившиеся створы ворот и, юркнув в них, тыкаюсь в самый угол. Мне кажется, что в углу свободно. Разбитая фара, искореженное крыло не так уж бросяются в глаза.

Междудумы ридами машину я бреду к конторке и думаю о себе, как о другом. «Это был мой первый и, должно быть, последний выезд», — думаю я.

Когда две недели назад я впервые вошел в конторку, Дыченко тоже сидел за столом и торчал в руках. Я положил ему на стол направление и свою самую диплом. Диплом был с отличием, и поскольку это где надо и где не надо, Дыченко задумчиво покосился на меня, пробежал документы и, не выпуская перека, указал на лежащую перед ним бумагу.

— Пять минут — и поедем, — сказал он и застрих снова.

Я взглянул на него с сомнением.

— Мне товарищ Дыченко нужен.

— Так я же Дыченко... — поморщился он. — Чрез десять минут поедем.

Содрогнувшись, я высыпал все тени, куда он собирается сходить и за кого меня принимает. Но он был уже знаком с тем. Тоненько, хрупкое в его пальцах перо выводило размашистые, крупные строчки. Широкие, долматинки, ногти с темной каймой казались тверже же леда.

Другие стены пустовали. На них лежали приборы, мельчайшие блестки циферблатами и тревожили загадочностью. Вальяжные машины провода, шестерни. На спинке стула наливалось, как солдатская скатка, висела покоя.

Несколько Дыченко сорвался с места и выбежал из конторки. Он выхватил из сумки бумаги, а я услыхал один и только поднялся ему вслед. Похожий на гараж чиг вhaled за перегородкой. Я разглядывал издалеки машины и раздумывал о том, что вот они, цех испытаний, где мне предстоит? Что именно мне предстоит в этом цехе, я не успел уточнить, поскольку вернулся Дыченко.

Он был уже без бумаг и велесом сквозь:

— Ну, поехали!.. И давайте же знакомиться, Николай Трофимович!

Он взял машину, молча. Я тоже молчал и глядел по окнам в дальние заводские корпусы и обсаложенные деревцами аллеи.

— Ну как? — вдруг спросил он, кося черным глазом.

— Что как? — не понял я и, в свою очередь, понятнее спросил: — А куда, собственно, вы меня везете?

— Куда хотите... только по будильнику же надо проехать.

— По будильнику?

— Ну да, на этой машине рессоры же... — и покраснел. — Захранимы по-новому.

Мы сидели в машине, будильником вперед вылезли из машины и уселись позади на корточки. Дыченко, засунув под машину голову, осмотрел крепления и показал их мне.

— А где приборы? — разочарованно протя-

Рисунок Н. СМОЛЯНОВА.

нул я. — Разве это испытания — без приборов?

Приборы же, ясно, нужная вещь, — согласился Дыченко и... слегка хлюпнув, меня по-ниже спины: — Однако же, цей прибор не за

менишь.

— Испытателья... по десять раз на день по-

вторяю он... надо же чувствовать машину, как про-

должение своих собственных рук и ног.

Он учил меня слушать стуки, скрины и шорохи.

Он поддергивал что-то в карбюраторе и

спрашивал:

— Ну как?

Он покраснел, зажигание и спрашивал:

— Ну как?

Он сажал меня за руль и спрашивал:

— Ну как?

Когда я пугалась, он ворчал:

— Чему только вас в институте учили...

— А вы... — пожалея не выдержал я, — вы ка-

кой институт кончили?

— Так я же еще не кончил... — просто сказал он. — Я же на вечернем учусь, на третьем курсе.

«Ах, вот оно что...» — подумал я. — Ты старшился на десять лет, а сидишь на третьем. Вот опять тебе виноваты приборы, к точинности. Эхинопы. Эхинопы без приборов.

— Эхинопы... — пробормотал я.

Он посмотрел на него самым.

Но он не замечал моих взглядов и таскал меня с собой на испытания ежедневно.

Сегодня он сказал мне:

— Возьмешь, Лена, кабриолет 71-20, на нем

тест новой конструкции. Езжай на шоссе, про-

веряя на скорости... А мне тут отчет писать

и т. д.

И вот я стоя перед ним, переминаясь с ноги на ногу, и он торопливо строчит свою отчет

и долго не замечает меня, и ручка, кажется, всплыла в его жестких пальцах.

— А-а, Лена... — говорит он, продолжая пи-

сать... — Ну как?

Я молчу, и тогда он поднимает голову, и его

черные глаза обиживают меня.

— Что случилось? — Он вскакивает и вплотную, все увеличиваясь, придвигается ко мне. — Что случилось?

Разбрасывая...

Он выбегает из конторки, забывает положить руки на спинку кресла, пластилиновые приборы, идет в угол, уже стоит посередине цеха. Вокруг него собирались люди. Вытирая руки ветошью, подымалась из сморивших ими, тянувшихся от берегов испытателей, механики, смеялись. Съезжавшись в окружении насмешек, я бочком протискивалась к машине, и они безжалостно расстукали пропускную мешанку.

Всевидящие щефские их глаза устремлены на помятное крыло.

— Как было дело? — хмуро спрашивает Дыченко.

С трудом разжимая губы, я начиняю по по-

рядку рассказывать, что я сделала. Но от них разве скроишь, что, собираясь приторзить, я начиняю нажал на газ. Мне стыдно. Я вскрикну. Я не знаю, что от стыда почек. Пусть невинимательство, пусть лахчество. Но это! Все равно, что упасть, наступив себе на носу.

— М-да... — вздыхает Дыченко, — неважно выпадо.

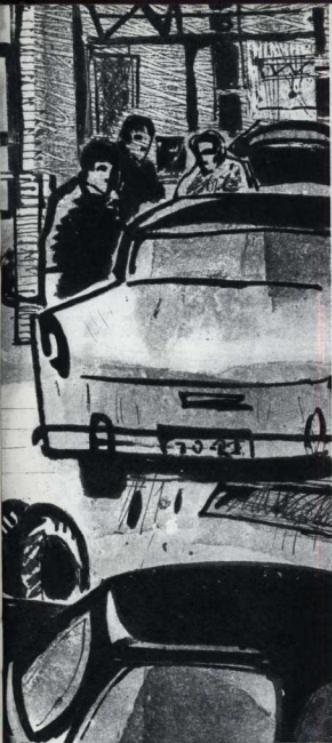
Он не хочет, а остальные придираются блажью, не смеются надо мной, только спрашивают, выслушают, уточняют, и, как в тумане, я что-то отвечаю им.

Откуда-то появившийся фотограф по-хозяйски отгоняет всех от машины. Теперь уже все конечно, понимают я. Ряд фотографов... Он прокладывает машину спереди, сбоку, ослепляя вспышками.

Меня проглатывают за плечо и жарко дышат в затылок:

— Не тушуйся. У нас всегда снимают — для конструкторов, чтобы слабину видели.

Возвращается Дыченко. Он не один. С ним

приходит «главный». Главный конструктор.

— Кто же это из твоих орлов отычкался?

— Я.

Вызывает громко, четко, как на перекличку. Не знаю, откуда смелость. Мгновение «главный» мерит меня тяжелым взглядом. Приходит начинать сызнова. Главный слушает внимую, прогуливаясь вдоль машины.

Потрогал крыло. Кончил легонько повиснуло на проводе фару. Сказав:

— Так, так.

Добывая:

— Ремонт за счет виновного.
И ушел, покидал широкую спину.
И тогда кто-то вполголоса, но так, что все слышали, проговорила:

— Ну, вот и окрестились.

Мне бы разрешиться, что не вымыли с завода, а я повторю и повторю, теперь уже самому себе, вот сначала. Перебирал каждый свой шаг. Делю это до гудка, и по дороге домой, и дома.

...Утром Дьяченко сказал мне:

— Возьмешь, Леня, кабриолет 71-20, на нем стоит тент новой конструкции...

— А че старый плох? — перебил я.

— Да не то чтобы плох, — признался обмытый Дьяченко, испытывая мои терпение, — но на скорости километров шестьдесят машина о хлопает и бьется, что ты знаешь. Ты как-нибудь и спрошу, что это, потому что пополнение в каркас киммерия. Так ты же проверь это дело.

Я засунул ключи и бегу к кабриолету. Наконец-то я сам, один проводил испытания! Пускай все-всего-тент, но Дьяченко не будет всю дорогу бубнить над ухом своему «Ну как?».

Я вижу дорогу, как в обрывках фильма.

...Цех с их ровным гулом-дыханием. Безлюден в дневные часы заводской поселок.

Сосны по обшинам в две перепни.

Еще хранят зиму лесная глубина и, не успев оттаять, щоссе затягивается ледяной корочкой.

А мне весело. Мне очень весело. Стрелка спидометра переползает с цифры на цифру и вздрагивает, словно спрашиваю: «Ну как?» И какой-то тоненький голосок в моторе перешепт: «Ну как, ну как?» А мне весело. И, кажется, на радосте Дьяченко, я сам начинаю допытываться: «Ну как?» И мне чертески весело.

Задорно Гоголь сказал: и какой же русский язык! Гоголь Дядюшка верст в час, ну, тридцать... У меня на спидометре сто километров, и я поддергиваю Гоголя!..

Лента обрывается, как в плохом клубе. Про это не к чему вспоминать. Неотвратимо надвигающийся борт грузовика — вот главное.

...Он вырастает перед глазами мгновенно. Мятый толчок. Я высаживаю, обезопасив машину спереди. Как врезиновой игрушке, взмыт внутрь крыло, беспомощно болтается и проводит разрывом фара.

И не помню, кому улепетывает грузовик... Тенеты-то я знаю, как это произошло. Тенеты я знаю, из-за чего кабриолет не остановился. И не знаю, куда деваться от стыда.

«Как же, — думаю я наутро по дороге к заводу, — как же так? Сто раз садился за руль, и ничего не случалось. Почему же вчера, именно вчера так не повезло с этим газом? Почему?

Я отказываюсь ехать с Дьяченко. Принято, что болят головы и спят на местах. Остановил один вагончик из контейнеров в цехе. Весь цех стоит машинами «Болота», «ГАЗ-12», иностранные. Я влезаю в них по очереди, как малярщика, которому позвалан посыпать за шторы. «Только не трохи никого», — говорила мне мама. От сидений несет падфинтом, машины стоят здесь как образцы и давно не трогались с места... Действительно, начинает побаливать голова. Но я не пропускаю ни одной машины, я влезаю по очереди в каждую и торможу, торможу.

Но вечером отправляюсь домой, так и не поняв, почему!

Дома возле кровати стоит ботинки. Я сразу замечу их, мои лыжные ботинки с широким рантом. Вчера я их надевал, а сегодня перебуска.

И видят словно испытка, словно фотопытшика одарят эти большие ботинки с широким рантом и стоптивыми вонючими каблуками, на которых давно пора сделать набойки.

Ботинки!

Ябегу на завод, зажав ботинки под мышкой. На другой день я кладу перед Дьяченко испачканный листок. Он вертит его в руках, недоумеваю.

На кабриолете, — говорит я, — падали синички блеск. Я замерди.

Он накрывает широкой ладонью мою руку и чуть сдавливает ее.

— Я знаю, — говорит он и глядит на меня в упор. — Я знаю.

— Знаете? — долго хлопаю я глазами. — Откуда вы знаете? И почему вы сказали?

— После твоей поездки знаю, третий день... — Но почему не сказали, если знаете? Я столько машин пересмыслил...

Я хочу еще добавить, что ушел из цеха под утро, но изменился: у меня першил в горле. Стоило ли так переживать, если о тебе просто забыли, да и кто ты такой, чтобы сообщать тебе?

Я пытаюсь высвободить руку, но Дьяченко дергает ее. Он выдвигает ящик стола.

— Возможно, я неправ, — нервно говорит он, роясь в ящике, — возможно, я неправ, но, понимаешь, я хотел, чтобы ты сам дочек, Леня... Он достает книгу фотографий и протягивает мне. «По-моему, так это же великая вещь!»

Кабриолет 71-20 изображен на снимке со скрытым краем и разбитым фаром. «Работка Крапивы», — написано на обратной стороне.

— Возьми на память, — узят он глаза. — Может, сгодится когда. Как говорится, в минуту жизни трудную...

Я берегу эту фотографию.

Еще хранят зиму лесная глубина и, не успев оттаять, щоссе затягивается ледяной корочкой.

А мне весело. Мне очень весело. Стрелка спидометра переползает с цифры на цифру и вздрагивает, словно спрашиваю: «Ну как?» И какой-то тоненький голосок в моторе перешепт: «Ну как, ну как?» А мне весело. И, кажется, на радосте Дьяченко, я сам начинаю допытываться: «Ну как?» И мне чертески весело.

Задорно Гоголь сказал: и какой же русский язык! Гоголь Дядюшка верст в час, ну, тридцать... У меня на спидометре сто километров, и я поддергиваю Гоголя!..

Лента обрывается, как в плохом клубе. Про это не к чему вспоминать. Неотвратимо надвигающийся борт грузовика — вот главное.

...Он вырастает перед глазами мгновенно. Мятый толчок. Я высаживаю, обезопасив машину спереди. Как врезиновой игрушке, взмыт внутрь крыло, беспомощно болтается и проводит разрывом фара.

И не помню, кому улепетывает грузовик... Тенеты-то я знаю, как это произошло. Тенеты я знаю, из-за чего кабриолет не остановился. И не знаю, куда деваться от стыда.

«Как же, — думаю я наутро по дороге к заводу, — как же так? Сто раз садился за руль, и ничего не случалось. Почему же вчера, именно вчера так не повезло с этим газом? Почему?

Я отказываюсь ехать с Дьяченко. Принято, что болят головы и спят на местах. Остановил один вагончик из контейнеров в цехе. Весь цех стоит машинами «Болота», «ГАЗ-12», иностранные. Я влезаю в них по очереди, как малярщика, которому позвалан посыпать за шторы. «Только не трохи никого», — говорила мама. От сидений несет падфинтом, машины стоят здесь как образцы и давно не трогались с места... Действительно, начинает побаливать голова. Но я не пропускаю ни одной машины, я влезаю по очереди в каждую и торможу, торможу.

Но вечером отправляюсь домой, так и не поняв, почему!

Дома возле кровати стоит ботинки. Я сразу замечу их, мои лыжные ботинки с широким рантом. Вчера я их надевал, а сегодня перебуска.

И видят словно испытка, словно фотопытшика одарят эти большие ботинки с широким рантом и стоптивыми вонючими каблуками, на которых давно пора сделать набойки.

Ботинки!

Ябегу на завод, зажав ботинки под мышкой. На другой день я кладу перед Дьяченко испачканный листок. Он вертит его в руках, недоумеваю.

На кабриолете, — говорит я, — падали синички блеск. Я замерди.

Он накрывает широкой ладонью мою руку и чуть сдавливает ее.

— Я знаю, — говорит он и глядит на меня в упор. — Я знаю.

— Знаете? — долго хлопаю я глазами. — Откуда вы знаете? И почему вы сказали?

— После твоей поездки знаю, третий день... — Но почему не сказали, если знаете? Я столько машин пересмыслил...

Я пытаюсь высвободить руку, но Дьяченко дергает ее. Он выдвигает ящик стола.

— Возможно, я неправ, — нервно говорит он, роясь в ящике, — возможно, я неправ, но, понимаешь, я хотел, чтобы ты сам дочек, Леня... Он достает книгу фотографий и протягивает мне. «По-моему, так это же великая вещь!»

Кабриолет 71-20 изображен на снимке со скрытым краем и разбитым фаром. «Работка Крапивы», — написано на обратной стороне.

— Возьми на память, — узят он глаза. — Может, сгодится когда. Как говорится, в минуту жизни трудную...

Я берегу эту фотографию.

Казимир ЛИСОВСКИЙ

В ПОИСКАХ РОМАНТИКИ

Уже ночная тишина,
Уже остыла в стаканах чай,
А нам экзотика нужна,
А нам романтику подай!

— Медведи? Да, бывают тут.
— Пурга? Ну, ясно, и пурга.
— Морозы? Здесь морозец лют.
— Снега? Подметали, снега...

И все... Понятно и без слов!
Но тут, окинув взглядом стоя, Механик Алексей Петров
Вдруг к нам в выдумку пришел.

Но, сразу видно, не речист,
Хоть этим вовсе не смущен.
— А наш бессстрашный тракторист Иван Анциферов. Так он...

И, кружку с чаем склон в руке,
Стараясь сделать все для нас,
О трактористе,
О другах
Повел свою синевитую рассказ.

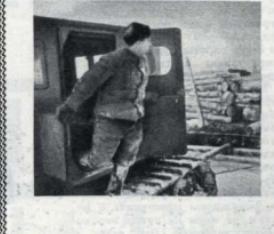
— А лыдка кружится, как лист,
А берег не видать взад...
Что сделал этот тракторист,
Мы так понять и не смогли!

— Постой... И он свою опытъ,
Сбиваясь, путаясь в словах...
И только позыбал сказать
О собственных своих делах.

О том, что пыльце поутру
Чинил замерзший ведрохол,
Как на морозном на ветру
Железо к пальцам пристает.

Как отдаира он с кожей их,
Как непослушен был рячаг,
Как, помнишь всыпал снег,
От боли морщаась, ворчал,

Как шел потом, уже сквозь тумы,
Шел с обмороженной рукой...
И невдомек видать, ему,
Что сам он истинный герой!

КОГДА ВЫ ПОЛУЧИТЕ ЭТΟТ НОМЕР, УЖЕ ВСТУПИТ В СТРОГ НОВЫЙ ЭЛЕКТРИФИЦИРОВАННЫЙ УЧАСТИЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКАИИ — ТАКИШЕ ЗАВЕРШАЮЩИЕ РАБОТЫ ЗДЕСЬ БЫЛ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЧНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР, МУЗЕЙ, КОТОРЫЙ БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ СОРЕВНОВАНИЯ ЗА ЗВАНИЕ ПОЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

Виктор САКК

ФОТО автора.

на ударных
комсомольских

и души
над рельсами

Поезд идет от Иркутска на запад... Колеса отбивают свой ритм. Ритм времени. А оно бежит, это время, так же, как стальные рельсы за окном вагона,— стремительно и неудержимо. И не каждому под силу уткнуться за них...

Я видел тех, кому это под силу, кто может шагать в ногу со временем и опережать его, несмотря ни на какие трудности, ни на какие препятствия. Их можно увидеть, сидя в вагоне, из окна вагона, потому что ни о чём другом думать невозможно, когда весь переполнен впечатлениями от увиденного, от услышанного...

Передним краем семилетки стала электрификация Транссибирской железной дороги — главной магистрали страны. Партия решила в 1960 году пустить электровозы сплошным путем от Москвы до Байкала. И комсомол, как всегда, ответил — сделаем. И вот огромная армия строителей, дорожников, электромонтажников — сто двадцать тысяч молодых специалистов — начала наступление. Фронт работ протянулся на пять с лишним тысяч километров.

Нужно было установить сотни тысяч железобетонных опор, проложить по ним симметричные тысячи километров развернутой контактной сети, перестроить и удлинить пути на сотнях узлов и станций, построить мыльные и спутебельные здания, заново ввести автоматику и телемеханику, обеспечивающую безопасность движения, смонтировать десятки крупноблочных тяговых подстанций... И все это — не останавливаясь огромного конвейера поездов, не нарушая обычной жизни крупнейшей железнодорожной артерии страны.

Трудно, очень трудно было, особенно вначале. Вековая таинственная Сибирь встретила комсомольцев неприветливо: заседала москвица, шинопроводы лежали, поток грелся сорокоградусный мороз, взоре вагончиков бродили медведи...

А главное — не хватало опыта у ребят.

Всемицот километров пути дал первый год строительства. Вместе с опытом рос и темп — во втором году было уже пройдено тысяча двести километров. В следующем — две тысячи двести. Такой уж характер комсомола — обгонять время.

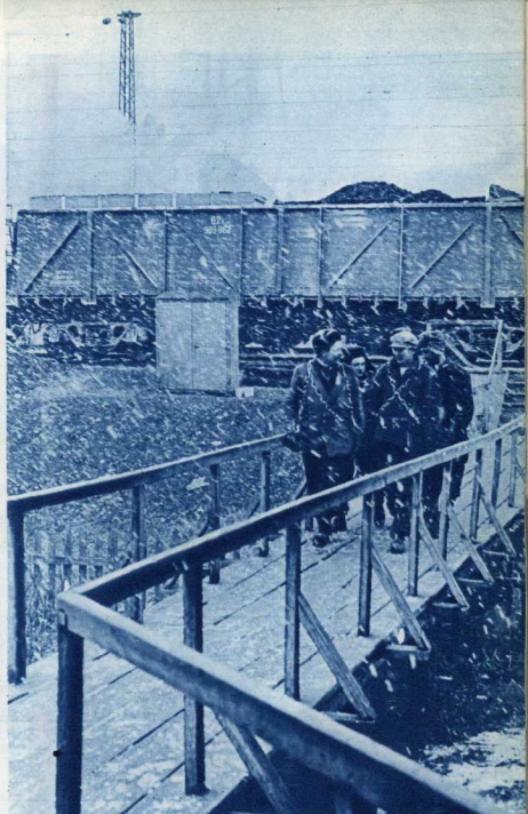
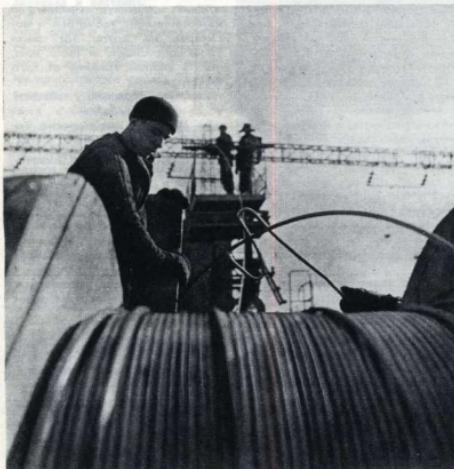
Они пришли сюда, на глуши таинственные перегоны, пришли, как полновластные хозяева новой культурной жизни. Они привезли с собой три с половиной миллиона книг и огромную жажду знаний, огромную тягу к учебе.

Двадцать восемь тысяч строителей-электрифициаторов учатся в заочных институтах к техникумам, кончат вечерние школы рабочей молодежи. Порой приходится недосыпать, но всось километров после нелегкого трудового дняходить пешком на занятия. Жизнь на колесах тяжела, тут не до удобства.

Зато когда-нибудь они смогут с гордостью сказать: мы были бойцами переднего края семилетки, мы строили электрифицированную дорогу, какой не знал мир...

НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ПЕРЕГОНЕ СТАЦИИ КУРЯТ БРИГАДА АНАТОЛИЯ СОЛТАНА ВЕЛА ПОСЛЕДНИЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ — БОЙ НА ПРОВОДАХ.

ПОДВЕШЕНЫ СОТНИ КИЛОМЕТРОВ КОНТАКТНОЙ СЕТИ...

РАБОТА ИДЕТ В ЛЮБОЮ ПОГОДУ...

СЛУЧАЙ НА ПЕРЕГОНЕ

С самого утра, не переставая, лил холодный осенний дождь. Их было шестеро на пустынном перегоне. И все они, в черных, насквозь промокших ватниках, были позом друг на друга. Двое стояли наверху в лайтере, а четверо других толкали его по рельсам. Сбоку ползлая напомнила красный фланк. Время от времени сверху раздавалась команда «Стоп!»; монтажная вышка останавливалась, и фланк неподвижно повисал. «Хорош!» — слышалась тот же голос. И лайтер вновь катился вперед, и красный фланк снова ожидал и начинал хлопать на ветру.

— Еще пару поперечников отрегулируем, и шабаш, на сегодня хватит, — сказал бригадир Григо-

рий Саннега. — Ребята совсем про-
мокли. Давай сменим их...

Саннег и Чемезов влезли на лайтер и перебрались на контактный провод.

— Надо по-быстрому, а то шестьдесят второй красногорский уж на подъяде.

— Хорошо бы с ним уехать...

— Если успеем...

Вот и последний губкий попечники отрегулирован, осталось затянуть фиксатор...

— Тяни крепче...

— Ладно.

Вдаль, где-то за поворотом, раз-
дался гудок паровоза.

— Теперь успеем, — сказал Чемезов, налегая на ключ.

И вдруг опора, не выдержав,

медленно поползла. Провода сра-

1. ИХ ИМЕНА: ВОЛОДЯ КРАСОВ, ГЕНА ЕРШОВ, ТОЛЯ СОЛТАН, ВИКТОР КАТИН, МИША ГОЛОЦЕВЫЙ. ВСЕХ ВОЛОНТЕРОВ. ГЛАДЯ НА ЭТИ СВЕРХВЫСОКИЕ ПОСТРОЙКИ, ОНИ ПОДСКАЧИВАЮТ, ТЕХНИЧЕСКИЕ ЧУНЫЕ МОНТАЖНЫЕ ПОСАСМИ ВАТНИКАХ, И НЕВОЛЬНО ДУМАЮТ: «МОЖЕТ БЫТЬ, СОРОК ЛЕТ НАЗАД ЗДЕСЬ ЖЕ МЧАЛИСЬ КАК ВОКРУГ КРАСНЫЙ БРОНЕПОЕЗД, И ВЕЛЮ ЕГО» ТАКИЕ ЖЕ ПАРНИ, КАК И ЭТИ, ТОЛЬКО ВМЕСТО МОНТАЖНЫХ ПОСАСИ У НИХ БЫЛИ ПУЛЕМЕТНЫЕ ЛЕНТИ...

2.—КОНЧИН ЗДЕСЬ НИТКУ ТНУНТЬ—В ПЕТРОПАВЛОВСК ПОДДИНСИ.—ГОВОРИТ АНАТОЛИЙ СОЛТАН.

3. В ЧАСЫ ОТДЫХА.

зу прогнулись, преградили путь. Чемезов от неожиданности уронил ключ и повис на карабине, болтав ногой, стараясь закинуть ее обратно на провод.

— Всё в копоре! — закричал бригадир и быстро спустился вниз.

— Валите лейтер на встречу! Без паники!

— Так, попробуем оттянуть... Взяли! Еще взяли!

Снова разделись проэнтентильный гудок, теперь уже совсем близко.

Слава! Поеzd! — только и успел крикнуть бригадир.

Больдырев сорвался с места и побежал по мокрым шпалам, на ходу сбрасывая с себя монтажный пояс и ватники.

Дождь хлестал по лицу так, что кололо в глазах. К горлу подступили комок — нечем было дышать. «До поворота четыреста метров... Надо добежать, надо остановить поезд... Ну, потерпеть еще немного... мелькало в голове, — ведь там ребята на руках держат

опору. Им тоже нелегко. Чемезов остался наверху...»

Ребята уже закрепили дополнительные растяжки, когда Больдырев вернулся обратно. Лицо у него было очень бледное, зубы стучали.

— Замерз? — Чемезов заботливо накинул на него выжатый ватник.

— Ага, сперва жарко было, а потом замерз, — ответил Слава.

— Закурим!

— Да все промокло — и папиросы и спички.

— Славка, может, сбегаешь? Ут недалеко, километров десять. У тебя ведь здорово получается... — пошутил кто-то.

Больдырев улыбнулся.
...Их работало шестеро на пустынном перегоне. И все они были похожи друг на друга в черных, насекозу промокших ватниках. Они снова толкали впереди себя лейтер, и намокший красный фляжок радостно хлопал на встречном ветру.

МЕЧТА ЖЕНИ ГРИГОРЬЕВА

— Ну, ты, лунатик! Будешь спать или нет?

— Отстань! Дрыхнишь и дрыхни, не мешай заниматься!

— Женя! И чего ты себя мучаешь? — не унимался Толя Соловьев.

Он сел на кровати и, закутавшись в одеяло, закурнул.

— Ведь академик все равно из тебя не получится, а только когда-нибудь свалишься с лейтера. Это как пить дать, потому что заснешь на верхотуке. Ведь которую ночь не спишь... И далась тебе этот институт! Чего еще не хватает? Образование среднее, специальность хорошая, зарабатывашь здоровью. Примени по рационализации получил. Что еще надо? Уважают тебя все, профгорм выбрали. Трудно в наших условиях в институте учиться...

— Ну и что, что трудно? А все-таки возможно.

Жена отодвинула учебник по начертательной геометрии и посмотрела на друга. Тот занял удобную позицию, и было ясно, что в скромном времени от него не отделяться.

— Слыши, Соловей, у тебя есть какая-нибудь мечта?

— Мечта? — переспросил Толя. — Да у меня их много, а что..

— Нет, одна, главная, есть?

Толя, покинувший от холода, почесал в затыльке — пичкура за ночь уже остыла.

— А чорт ее знает... Давай спать, холодно...

— Погоди. А вот у меня нет никакой перспективы в жизни без института, потому что есть заветная мечта. Помнишь наш первый перегон Иркутск — Черемхово?

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЭЛЕКТРИФИЦИРОВАННАЯ ДОРОГА В США 2000 КИЛОМЕТРОВ, А ТОЛЬКО ЛИНИЯ МОСКВА—ИРКУТСК ИМЕЕТ ПРОТЯЖЕННОСТЬ 5335 КИЛОМЕТРОВ.

СССР ЭЛЕКТРИФИЦИРУЕТ ЗА ОДИН ГОД СТОЛЬКО ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ, СКОЛЬКО ВСЕЙ ОСТАЛЬНОЙ МИР.

Е. ГРОМОВ

В кривом зеркале парадоксов

ЗАМЕТКИ О ПОВЕСТЯХ А. ГЛАДИЛINA

ЭЛЕКТРОМОНТАЖНИКИ — ГЕРОИ НАШЕЙ САГИ! ПОПОДОЛБЫИ НЕ УДАЮТ С ПУСТИННОГО ПЕРЕГОНА, КАК БЫ БЫЛО ХОЛОДНО ИЛИ БЫЛО, КАК БЫ БЫ МУЧАЮЩАЯСЬ УСТАЛОСТЬ МЕТР ЗА МЕТРОМ ОНИ ИДУТ ПО ПРОВОДАМ ПО СЛУГИ ПРОНОСИЩИХСЯ ВНИЗУ СОСТАВОМ...

Толя кинул головой.

— Сику я на опоре, а внизу электровозы гонят в Иркутск. И подумал я тогда, хорошо бы самому научиться стронгит такие электровозы, а может быть, еще более мощные. Понимаешь, Толька? И, может, именно тот, который построю я, своими руками, пойдет по нашей дороге, где вот эти же руки когда-то тянули провода, где каждый перегон знаком, каждая консоль, каждая опора... Я с тех пор только об этом и думало. А ты говоришь, зачем институт...

— Завидую я тебе, Женяка. Настырный ты какой-то...

— Ладно, давай поспим немного.

* * *

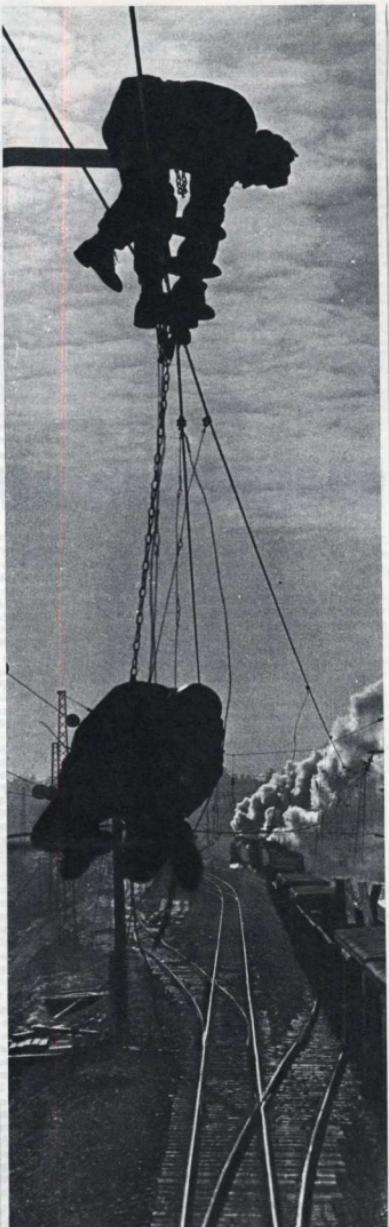
...Поезд идет от Иркутска на запад... За окном вагона мелькают полустанции, небольшие поселки. Отбил дробь встречный топварный, и белый султан дыма надолго повис в морозном утреннем воздухе. Тени от него поплыли по поклонившейся, покрытой инеем траве, по замерзшим лужам, скользнула по верхушкам деревьев и раставила.

В морозной дымке растворяются сопки, в одну темную полосу сливаются вековая тайга. Теперь к этому сибирскому пейзажу приближаются стволы железобетонных опор, они выстраиваются в бесконечный ряд, унося вдаль нитку контактного провода.

Скоро в нее вдохнет могучую энергию Братской ГЭС. Эта энергия преобразит жизнь Сибири, облегчит труд людей, украсит их быт.

Скоро, совсем скоро здесь промчится первый электровоз «ВЛ» — «Владимир Ленин» как символ осуществления мечты Ильича, завещанной грядущему поколению.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ МОСКВА — ИРКУТСК ЗА ПОЛТОРА ГОДА ДАСТ 10 МИЛЛИАРОДОВ РУБЛЕЙ ЭКОНОМИИ И НА 70 МИЛЛИОНОВ ТОНН СОКРАТИТ РАСХОД ТОПЛИВА.

Молодость присуствует драгоценное качество — стремление взглянуть на старые, аксиоматические истиниши новыми глазами, желание открыть в известном неизвестное. Но сказать что-то свое в любой области жизни нелегко: здесь мало одного желания, нужны знания, опыт и, главное, большой целеподтвержденный труд. Иначе можно написать испорченную дорожку, прямую, пустого отрыва и оторванности.

В искусстве особенно «простота» идти по этой дорожке. Все, например, восторгаются Шолоховым, а я буду петь сквозь зубы: «Старо!» Большинство говорит, что лишь реализму в искусстве суджено расщепить и крепнуть, я же скажу: «Ерунда, примите!»

Так возникают суждения, в которых нет новой мысли, а есть то, что Тургенев и Толстой называли «обратными общими местами»: «Человек говорит обратное тому, что всеми считается истиной, например, что вода сухая, что угол белый, что кровомешение хорошо, что драма — это драма и т. п.» (Л. Н. Толстой в «О литературе», Гослитиздат, М. 1955, стр. 589).

Увлечение, а точнее, болезнь «обратных общих мест» весьма опасна. Она, словно раковая опухоль, поражает тех, кто не выбрасывает из себя цельного мировоззрения, кто не понимает величина наших дел и свершений. Особенно опасно, когда ее заболевает человек одаренный, молодой писатель или художник, призванный воплотить в прекрасных и новаторских произведениях кресты нашей жизни.

Каждый молодой литератор — это совершение естественно — идет в мир фразы, слова, образы, стремится превратить каноны и незапланированные плазмы действительности. Но если болезнь «обратных общих мест», стремление к «оригинальности» поразила его, и он спешит во что бы то ни стало проявить себя как новатор, теряет чувство меры и ответственности за написанное. Так рядом с верными, свежими наблюдениями появляются эпиконии, претенциозные фразы, пустые мысли, неверные обобщения. Друзья и поклонники таланта захлебываются от восторга: «Ах, модерн, ах, прахо Хемингай (или, в зависимости от вкуса, — Ремарк, Дос Пасос, Франсуаза Саган...)». Постепенно такого рода неумные и неуменные восторги заставляют от писателя сорвузу правды и мешают ему трезво оценить себя, свое творчество.

Вероятно, нечто подобное происходит сейчас с одним из самых плодотворных — по количеству выпущенных в свет произведений — представителей нашей литературной молодежи — с произволом А. Гладиллином.

Когда в 1956 году восемнадцатилетний студент Литературного института Анатолий Гладилин опубликовал в журнале «Юность» первую свою повесть «Хроника времен Виктора Подгорского», читатель встретил ее с почти единодушным одобрением. Критика в целом тоже поддержала повесть.

В выразительной, лаконичной прозе автор старался раскрыть «движение души» своего юного героя, тот трудный и интересный про-

цесс познания характера, который переживает каждый вступающий в большую жизнь. Гладилин избегал декларативности и навязывания своей воли читателю. Он как бы говорил ему: вот я показываю тебе внутренний мир героя, ты же делай сам вывод, хорошо ли он или плох. Но это означало, что литератор объективистски относился к своему главному персонажу, нет — было совершенно очевидно, что симпатии автора целиком на стороне Виктора.

Однако в изображении других персонажей Гладилину не удалось сохранить последовательную определенность авторской позиции. Он настолько «прятал» свое отношение к изображенным событиям, что читатель не совсем ясно, как же следует оценивать поступки такой, например, героини, как любимица Виктора Нина Да, конечно, Нина — содомка, араканка, но, тем не менее, не просто констатировать сам факт сложности, но и дать ему художественное об解放军 и материализацию.

К сожалению, критика как-то обобщила этот недостоинство — некоторую расплывчатость идеальной, мировоззренческой позиции А. Гладилина, которая являлась следствием того, что начинаяющий прозаик еще глубоко знал жанр.

Во втором своем крупном произведении, «Бригантин поднимает парус» («Советский писатель», М. 1959 г.), Гладилин также делает героям очень молодого человека. Этот герой уезжает на стройку с тем, чтобы научиться жить. Автор «Бригантину» довольно убедительно изображает картины большого строительства, дает меткие зарисовки некоторых его участников.

Но отсутствие цельного понимания жизни неумолимо мстит за себя. Видимо, опытенный легкий писательский успехом, Гладилин серьезно заболел болезнью «образных общих мест». Он хочет непременно быть «не все».

Многие критики говорят, например, что нашей литературе нужен «идеальный» герой. Гладилин это желание не по душе. Он против такой схемы. Каков же «метод» борьбы с ней? Просто изобретает другую схему! Человек либо «идеал», либо «реалист»; изображение автора — это, кстати, не идеален, именно поэтому он реален и прекрасен. Гладилин не только подчеркивает, но и восхищается несоответствием внешнего «художественного» облика своего героя Вокни его внутреннему благородному содержанию.

Мы знаем, что в реальной жизни встречаются такого рода Вокни, они неплохие парни, но все же наши, коммунистически идеалом личности является человек, гармонично сочетающий в себе красоту душевную с красотой внешней. Причем под последней разумеются не только и не столько правильные черты лица, а весь стиль поведения человека. Зачем же нам обязательно искать романтизм в несоответствии внутреннего и внешнего облика личности? Зачем же нам прощать, а тем более любоваться грубостью, задирательством, агрессивностью, физической настырностью в характере, даже очень симпатичного человека? К положительному герою необходимо предъявлять высокие требования, писатель призван находиться не позади своего читателя, а впереди него.

Наиболее яркая претензия на «оригинальность» с особой силой дает о себе знать в неудачной повести Гладилина «Дым в глазах» (*«Юность»*, № 12, 1959 г.). Об этом подробно писал Ф. Светлов в рецензии, напечатанной в «Литературной газете» от 3 марта 1960 года. Критик верно заметил, что автор повести о «молодом честолюбии» принадлежит в жанру «модерни» ясность и идеальную определенность изложения.

Фактически Гладилин оправдывает самые изысканные чувства и помыслы своего героя, проставленного футбольиста. Индивидуалистическая раздвоенность сознания Серова, разинувшуюся к общественным делам, смакование пошлости, своей собственной персоне выдаются литератором за типические черты поколения юношей, родившихся в 1936—1937 годах.

Через шесть месяцев после пребывания «Дыма в глазах» Гладилин начинает печатать поэты «Песни золотого принца» («Молодая гвардия» № 6, 1960 г.). В ней рассказывается о многих вещах: о возникновении на Чукотке бригад коммунистического труда, о добье золота, о трагедии любви восемнадцатилетней девушки Риты, о комсомольском вожаке Карле Аугустлане.

С точки зрения формальной, новое произведение Гладилина написано преимущественно в манере «параходско-вой», отрывистый прозы. Между предложениями и особенно подразделами зачастую нет логической связи — читатель должен сам восполнять недостающие звенья изложения. Автор щедрой рукой вводит в русский язык — вероятно, желая его обогатить, — эпагонные выражения и иниционы.

Вот как, например, описывается работа на присыпке:

«Мир не был будлеровист. Будлеровист плевать, какую бригаду они обслуживают, коммунистической или нет. Будлеровисты не винят жратву» (стр. 131).

Что же, Гладилин тоже наплевать, какую бригаду он обслуживает, коммунистическую или нет?

Все газеты пишут о волнистой облагораживающей схеме единения бригады коммунистического труда. Гладилин (он же не может быть похожим на «весь!») пишет о том, что «борьба за звание бригады коммунистического труда ничего не изменила. У михайловцев всегда был общий котел и общие интересы. Правда, иногда, когда вечно недолюбленный Саша Фекремук начался усиленно материться, его обрывали бригадир:

— Кончай!

Влад, в какой бригаде?

Так они стали ударной бригадой присыпки. Туда, где трудно, посыпал михайловцев. Они не завалили ни одного задания» (стр. 114).

Но не думайте, что Гладилин выступает против движения этих бригад. Нет, боку упали, он обеими руками «за». Однако прежде он считает своим долгом (долгом перед кем?) поиграть «смельчаки» словесными вывертами. Зачем же нужны синевы? Вероятно, отвечает литератор, для того, чтобы оттенить «зеленые» различия. Желание благословить на практике выходит налицо. Так, глава «Песни золотого принца» хочет показать действительно новое, первое, он зачастую сбивается на такую скотоговорку, что упрощает и исказяет ее прекрасное, что существует в жизни.

Вот как раскрывается секрет необыкновенной обаятельности Карлухи — комиссара стройки. Приходит на работу «блитяной» папе, почтально курожится. К нему через дверь подходит Карлуха. Парен: «Фрр!.. Аугустлан ему скажет: «Да ты, никак, блитя!» Парен опять: «Фрр!.. Через несколько месецов он сам спрашивал у прибывшего собрата: «Да ты, никак, блитя?»

Как все просто получается! Увидел, погоревши, победил.

Гладилин не умеет отделять главное нашей жизни от второстепенного. Он уделяет равное внимание и переживаниям бывшего, и переживаниям будущего. Причем все эти описание выполнены в такой однообразной манере, что трудно «без будзяка», без мучительного напряжения дочитать повесть до конца. Мы позволим себе привести еще один образчик гладилиновской прозы:

«...и Но

летят гуси.

Мне совершенно плевать, как они летят, и я бы запел Ритке, если бы она близко от меня стала вопить: «Смотрите, косая линия, как красиво! И я первострелью этих гусей летят в тундре. Но ты пойми, братинка, что где-то под Курском, в домике с полуразвалившимся крылом и поднимавшимися наличниками, меня ждет старуха мать, которой я, кроме неприятностей и шальных дег, ничего не приносил» (стр. 122).

Попробуйте найдите смыслы в этом характеристиках для Гладилина отрицать. Здесь «подтекст» настолько запутан, что «рядовой» чи-

татель никак не оценит «смелого» перехода от желания перестрелять гусей к размытому о старухе матери.

Справедлив, однако, этот отрывок, передающий внутренний монолог бывшего «бобровиста», с авторским описанием работы бывшего: интонации, построение фразы, способ выражения неизменно одни и те же.

Так идеальная расплывчатость, отсутствие подлинного вдохновения обрачиваются сюрпризом и невыразительностью. Неужели автор не понимает, что он становится утомительно однообразным, повторяет себя?

Погоня за звонкой фразой, «параходско-войностью», «оригинальностью» не проходит от литератора бесследно. Нельзя одновременно нагромождать один за другим пародии на раскрывать сложнейшие переживания читателя. «Песни золотого принца» пострадала последнее, что оно, видимо, оказалось совершенно смазанным интересом задуманным образом комсомольского вожака Карла Аугустланы.

Создавая этот образ, Гладилин все же решалась наконец отойти от полюбившей ему схемы «антинеадеяльного» героя и попытался вывести на страницы своей повести целого человека. Но, к сожалению, болезнь «обратных общих мест» помешала литератору выполнить задуманное. Образ Карлухи не разработан с той тщательностью, с какой необходимо лепить образ центрального героя; он скорее очерчен, чем выписан.

Кроме того, и это, разумеется, самое главное, Гладилин, как и в повести «Дым в глазах», снова встает в ползу бесстрастного бытописателя. Тогда, когда в «Песнях золотого принца» по-своему любил и жалел девушку, что делала с ним долгую поларную ночь, он не мог представить себе, как введет в ленинградскую квартиру простую работницу, как познакомит ее со своим кругом «модно одетых» друзей, с матерью и пр. И на комитете Рахтанов заявил твердо: «Свадьбы не будет».

Как же реагировал на это секретарь комитета комсомола Карл Аугустлан? Он, оказывается, считает, что «виновата» сама Рита. Ни ему, ни другим членам комитета не пришла в голову элементарная (не оригинальная, конечно) мысль: Рахтанов — подлец, его надо отстряжать, наказать за гнусный мещанский сnobизм.

Рита — роль ребенка, опровергнутая ее матерью. Требуется отыскать плющеватую куклу, а когда Рита встретила Рахтанова, «он даже улыбался другу другу» (стр. 113). «Все так буднично и нормально!»

Нас поражает то, как молодой и, по некоторым приметам, отыччивый литератор может писать в таких скончайках, «эпических» тонах о подлости и изюности, которые, бесценно, вызывают возмущение в каждом порядочном человеке. Неужели Гладилин не понимает, что тем самым воинственная и невольно он выступает в недостойной роли адвоката пошлости? Более чем оригинально!

Мы убеждены, что молодой автор послеш с публикацией повести «Песни золотого принца». Она свидетельствует о том, что Гладилин совершенно не принял ту рееку, не превратил ее в красицу, которая раздвигается в ширину в своем «Дыме в глазах». Повесть «Песни золотого принца» знаменует собой дальнейший отход Гладилина от верных позиций в оценке нашей жизни, от магистральных путей развития нашей литературы. Подлинная современность состоит не в конструировании дешевых парадоксов, а в активном, жизнестроящем изображении дум, чаяний и счастьев советского народа. Анатолию Гладилину не мешает вспомнить о некоторых «прописных» истинах, которые, правда же, не надо пересматривать; в частности, ему стоит вспомнить о том, что литературное творчество

— это добчя радия.

В грамм добчя.

в год труды.

ИМИ ГОРДИТСЯ КОМСОМОЛ!

Бородига друг! Сегодня мы познакомим тебя с замечательной книгой. Эта книга учреждена постановлением Центрального Комитета Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи в апреле 1947 года в честь тридцатилетия Великой Отечественной войны.

Вот она лежит перед нами. На обложке ее четко выделяются золотистые барельефы Ильинь и строгие блестящие надписи: «ИМИ ГОРДИТСЯ ВЛКСМ». Имена первых трудненников нашей страны, воспитанных Коммунистической партией и Ленинским комсомолом, вписаны в эту летопись комсомола — «Ленинградская городская организация ВЛКСМ — за успешную работу по организации социалистического соревнования».

— «Ленинградская городская организация ВЛКСМ — за успешную работу по организации социалистического соревнования».

НОРМА ПОВЕДЕНИЯ

О Владимире Ефремове, молодом рабочем-модельщике, мне рассказывали многие — в заводском комитете комсомола и в цехе, где он работает. Рассказывали с большим уважением, как любят говорить заводские люди о своих хороших товарищах. И все до единого вспоминали его выступление на комсомольском собрании.

— Помнишь ли ты со дня появления правильной головы в тебе начальник сканы мастер-искусник Сергеевич Петров? — Трудится с душой, в техникуме учится, хороший общественник. Но, мне кажется, не в этом лишь... Суть... Как мы обязаны Саше Ефремову? Говорить о себе не любят. Спросите — скажет: «Работаю, как все». Ничего особенного. И о выступлении на комсомольском собрании тоже будет повторять: «Ничего особенного». Причем будет повторять искренне, никак не рисуясь... Вот мне и кажется, что-то в том, что постоянно делают полезное стало для таких, как наш Ефремов, чем-то вроде нормы поведения.

Мне запомнился эти слова мастера Петрова, а позже, когда я еще более познакомился с Ефремовым, стал до конца ясен и на глубокий смысл.

Ефремов пришел в модельный цех семь лет назад. Как и большинство первых рабочих-модельщиков, Владимир на первое поскорее обресть свое рабочее место, и по плечу казалось любое задание... Действительно, работы в цехе было много, но в первые же дни пришлися столкнуться и с первыми трудностями. Самостоятельные шаги оказались не такими уж легкими!

Больше всего хлопот доставляли чертежи. В цехе готовятся модели для отливки деталей самых разных машин. Число их огромно. Завод выпускает и прокатные станы, и дробильные мельницы, и редукторы... А еще — другие большие и маленькие машины, агрегаты, если пожелать — даже простая модель вала, представить себе готовые. Но попадались чертежи и такие замысловатых деталей, что приходилось просиживать над синяками часами. А научиться быстро и правильно читать чертежи — это основа основ!

Владимир расстипал чертежи на верстак и, насыпясь, подолгу рассматривал в сложные проекции неведомых моделей.

— Как, мастер, постигаем? — спрашивал кто-нибудь из рабочих, задержавшихся на минуту возле вчерашнего ремесленника. Владимир, мастером не называясь, в рабочий штаны, да и бахрома. Конечно, обратили внимание на него, никто не отказал бы в помощи, объяснив ему, кто, кему. Но то ли Ефремов не хотел беспокоить старших товарищей, то ли опытные рабочие считали, что «мастеря» освоятся и сам... — парню приходилося постигать премудрости модельного дела в одиночку...

Шло время. Постепенно появились навыки, опыт, уверенность в своих силах. Владимир, научившись собирать и самые сложные модели, начал работать на нормы. Стартовать на нормы стало для него обычным делом... Настала пора, когда Ефремов почучивал: не хватает знаний. Он сел за книги, начал глубоко изучать литеинное производство, а потом поступил в машинностроительный техникум.

Комсомольцы смеялись избранию его комсоргом группой.

Мы сидели четверо назад в цехе, пришло появление — несколько выпускников того же Ногинского ремесленного училища, в котором учился когда-то и Ефремов. Владимир обратил внимание на одного из выпускников — юношу курсового парнишку из Сасово — Штылеву, которого за буйную шевелюру в цехе стали шутливо называть «перышками». Юноша то подолгу задумывалась над обыкновенным деревянным бруском, то, замирал над чертежом, словно мучительно размышляя над будущими моделями, то, сунув руки в карманы, проговаривалась по цеху, вступал в разговоры, которые наверняка можно было бы отложить до перерыва...

Как-то раз Ефремов спросил его:

— Ну, мастер, постигаем!

Штылев усмехнулся:

— Ну, мастер, Москва строилась...

— Иша ты, мыслитель. Москва строилась по-разному. Когда потихонечку, а сейчас времена не те... — И неожиданно для парнишки предложил: — Давай я буду тебе помогать. Вдоюм все-таки легче.

Штылев недоверчиво посмотрел на высокого, плющичного парня и опустил взгляд:

— Едваю, конечно, легче.

— Значит, по рукам!

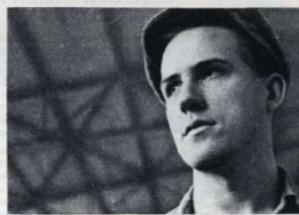
Так началась эта дружба... С того дня их часто видели вместе. Владимир щедро делил-

молодежи в честь 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции, активное участие в борьбе за досрочное выполнение промышленности города плана второго года пятилетки. Комсомольцы гордились тем, что подпись высокой чести быть занесенными в Книгу почета. А на следующем листе — имя молодого дальневосточника, бригадира тракторного завода «Ильинский тракторо-сервис», бригады из целинного Уральского зерносовхоза Кустанайской области; бригадир трактора горячей седьмой дивизии птицефабрикого бригадира коммунистического труда; Татарская областная народно-кооперативная организация, по-боевому откликнувшись на зов партии, организовала в своем регионе первый в стране конвой поездов станции Смоленская, спасший жизнь рабочей Ю. Чижовой; Юрий Лихоновский — звеньевый краеводарского колхоза «Знамя коммунизма» громко и ярко. Сотни имен лучших строителей, металлургов, покорителей целины, тружеников полей, рыбаков, воинов Советской Армии, погибших в боях за свободу и независимость известных всем стране людей, воспитанников Ленинского комсомола: Валентина Гагановой, Турсуной Ахуновой, Ахата Зибекова, Валентины Петричевой, Ларисы Латыниной, Бориса Спасского...

Дорогой друг! Могут быть, заслуги в Книгу почета впишут и твои, а может быть, и мои.

На страницах «Смены» мы познакомим тебя с многими комсомольцами, кто своим трудом, беззаветным служением на благо народа заслужил право быть вписаным в Книгу почета. Сотни, тысячи, миллионы рабочих, строителей, членов коммунистического зетра — ленинца.

Сегодня же публикуем рассказ о молодом рабочем Заводского зетра труда — Ефремове Ефремове, имя которого занесено в Книгу почета ЦК ВЛКСМ совсем недавно, в сентябре нынешнего года.

ся с Сашей своим опытом. У него были свои дела, свои задания, но всегда находилась свободная минута, и порой Штылев просто появлялся, как вовремя оказывался рядом сnim его старший друг...

...На цеховом отчетно-выборном комсомольском собрании, когда заговорили о самых молодых рабочих-модельщиках, выпускниках, Владимир Ефремов попросил слова и рассказал о своей дружбе с Сашей Штылевым. А потом обратился к модельщикам:

— Почему бы нашим «старичкам», опытным рабочим-комсомольцам, не взять шефство над всеми новичками? Пусть у каждого паренька будет свой наставник, кто-ли... Пусть он обучит его передовым методам труда, дело это нехитрое, а пользу принесет большую...

Ефремов поддержал. В проктоте собрания там и впереди... «Одобрено комсомольцами...» Но самое главное дело прошло по душе всему коллективу модельного цеха.

Начальник цеха Иван Федорович Сидоренко сказал Ефремову:

— Молодец. Хорошее дело зета.

— Да ничего особенного,— как всегда спокойно и чуть смущаясь, ответил Ефремов.

Конечно, ничего особенного в цехе вроде и не случилось. Текже осталась общая ритм труда. Тот же цех, те же люди... Но у самых юных, семнадцатилетних, воспитанников в бывшем трамвайном колхозе — таких по курсы, ерищах, как Саша Штылев, у этих парнишек, как-то светлое стало на душе.

Впрочем, не только у них. Разве не позитивное, радостное чувство в душе любого рабочего, если он видит, как набирается сил и крепнет молодая поросль, если он знает, что рядом с ним все больше появляется парней, похожих на Владимира Ефремова, — опытных рабочих парней, для которых делать полезные, нужные для коллектива дела стало нормой поведения — новой, особой и высокой нормой!

Н. ВАСИЛЬЕВ

А. ШИШОВ

РАССКАЗЫ о М. И. Калинине

19 ноября исполнилось 85 лет со дня рождения Михаила Ивановича Калинина — первого Председателя Коммунистической партии и Советского государства, первого соратника Ленина. Всю свою политическую деятельность Калинин на посту Председателя ВЦИК и Президиума Верховного Совета СССР был посвящен служению народу и борьбе за процветание и мир в нашей стране.

Михаил Иванович часто ездил по стране, встречался с многими людьми. Ниже мы публикуем рассказы очевидцев этих встреч, записанные писателем Александром Шишовым. Действие рассказа «Планы» относится к осени 1934 года, рассказа «Дядя Степа» — к 1934 году.

ВДОВИЙ СЫН

Как-то поздней осенью у се-
бя на родине, в Верхней Троице, Михаил Иванович Калинин заспал вечером в правление коахоза.

Там за большим столом велось заседание правления. Все обрадовались появлению Калинина. Председатель Василий Федорович Тарасов, быстрый, проворный, молодой еще, хотел было уступить ему свое место. Коахозники сказали: «Гостя такие редко бывают. Хорошо бы послушать Михаила Ивановича, что делается по Советской стране да и по рубежам. Из Московского-то Кремля далековоидно».

— Нет, нет! Что у вас намече-

но, то и обсуждайте,— садясь вместе со всеми на длинную скамейку, ответил Калинин.— Останется время, будет слово и за мней.

— Особый вопрос у правлени-
я нет,— складывая бумаги на колени, опять сказал Тарасов.— Но ждет, кто о чем заявят в разном?

Коахозники переглянулись: у
кого что может быть в разном? Всегда тот один из женщин, низко посаженных на подиум, в широком пиджаке с мужским пле-
чом, Федоры Сахарова, обратилась к собранию:

— Так как же, граждане, мое-
то дело? Обсудите. Неужто штрафы
платить? Простите бы на первый

раз. И без того у меня все силы издохнут!

— Это не первый раз, Федосья Васильевна,— сердито попевлив густыми бровями, сказала одна из бригадирши.— За твоим Петкой хоть милицейщера приставай. Унимать сама должна.

— Браню. По-всякому браню.

— Слов, значит, не понимает. Былью нас за такие дела родители и племята наказывали,— сказала бригадирша на своем.

Спирт, который отыскался в селе, а мне не поднять своего хо-
зяина из сырой земли.— Федосья Сахарова закрыла лицо. Плачи у нее заскрипели, заходили под-
ступивших рыбаков.

Калинин подсел к ней, участливо спросил:

— Это о чём же?

— Да вот, Михаил Иванович, чти трудовой сличной книжки снимают. Буто они мне легко дадися на живите да на молотье. А что сина касается, так наказываю его. Падите-ка заверните ру-
башку да поглядите — вся сина исполосована. Годится морю, а он все такой.

— Что же сделала ваша сина?

Женщины еще чаще расплакива-
лись и говорить уже не могли.

Всегда стало интересно общество Калинину, что у Федосии. Васильевна Сахаровой растет баловня сына, заводила, саду с ним нет. Командует сверстниками. Видят их на огородах да во дворах, на гумниках. Руки пикни и саблы из палок. Петью прозвали Чапаев. Сама же большая вина его — за лошадей. Это и штраф наложили. Прошлой неделей посыпала ре-
бя в почкое, а они синяя маток с молодой отавы да затесаны воину.

Вперед, за мней! — подала команда Петка-Чапай.

А то посыпалася атамана и тоже: «Вперед! Вперед!»

На старом месте переправы Медведица какая глубокая, а они

в том месте на конях всплыли. Перепали да по зооколию гололом в соседнюю деревню. Там свои бравые молодцы, такие же корыголовы. И те сняли своих щап-
дей с ночных пастбищ. Взвод на взвод пошел. Себя трещат, а они дурются. Что, что носы в крови, — думают, вот лошадей загнали.

Хотя и в борзых волочках в помеще-
ниях был, но все увидели, как у Михаила Ивановича Аростуни от ульмы седые усы и под стекля-
ми очков блеснули глаза.

— Вот об этом и разговор,—
заключала председатель Тарасов.— Хорошо ли, что не решение вынесено. Надо. Федосья Васильев-
ница, подчиняется правлению.

— А может, не стать парниш-
ка виновен, да вот вдовий сын? —
сказал Калинин.— Известно, на
вдовий сына все поклены.

— Так-то было, Михаил Ива-
нович.

— Ну и мы не очень-то уж
много сделали, чтобы защитить
сина. Шел тут вдоль деревни и
видел, как лошадь крепкая, а у
этой яныши бы голову прикрыть
и советую обйтись в этом деле
без штрафа.

* * *

Прошел какой-нибудь месяц с неделью, и Федосья Ивановна по-
лучила известение, что сын ее, Николай Сахаров, направляется в Еле-
нинградское военное училище.

Она пребежала опять к предсе-
дателю коахоза:

— Что делать-то. Василий Федо-
рович? Не думала я, не гадала,
что так обернется моя сиротская
пужда.

— Собирая, конечно медальян.
Это забыть Калинина.

— Да хорошо ли там будет мо-
ему Петке?

— Ну вот,— развел руками Та-
расов.— Председатель ВЦИК
склонился, определил, а ты сомневаешься.
Надо думать, будет из него второй Чапай.

О Б Ж Ж Е Н Н

Больной приоткрыл глаза и посмотрел вокруг. Сидевший рядом врач взял его руку. Впервые за много часов пульс был нормальным.

Человек этот долгое время не приходил в сознание. С ним произошло страшное несчастье: он упал в ванну с расплавленным алюминием. В тяжелом, почти бессознательном состоянии его доставили в больницу. Пораженный матоголином и перелитиями крови. В борьбе за его жизнь были истрахованы многие средства. Но безрезультатно. Тогда профессор А. Гродзик и врач Л. Пушкина ввели ему в кровь желто-ватую прозрачную жидкость.

Эта жидкость — противоокрововая сыворотка — неизвестна для того была получена сотрудниками института профессором Н. Федоровым и молодым кандидатом медицинских наук — Скуржиковичем.

Однако... Что это такое? Повреждение кожи или заболевание всего организма? Первые попытки разгадать эту тайну были предприняты около ста лет назад в России.

В прошлом веке русский хирург

В. Авдаков, наблюдавший обожженных животных, предпринял любопытные опыты: он перелил здоровым собакам кровь, взятую у тяжелообожженных. И здоровые собаки в большинстве случаев умирали. Следовательно, в крови обожженного животного содержатся сильные яды. Авдаков высказал предположение, что «ожог» — какое-то заболевание, возникшее с отравлением всего организма.

Но что это за яды? Как они появляются? Ни Авдакову, ни другим ученым, позднее работавшим в этом направлении, не удалось этого выяснить; следовательно, убедительно доказать свою гипотезу.

Н. Федоров и С. Скуржикович начали свои исследования с доказательства права предположений Авдакова. Они не сомневались, что при ожогах возникает заболевание — ожоговая болезнь, что поражение кожи само по себе не так уж страшно.

Ученые повторили опыты Авдакова. Провели ряд новых, оригинальных исследований. Они установили, что при сильных ожогах в организме происходит

дит процесс самоотравления. Дело в том, что пораженная кожа перестает выделять вместе с потом отработанные организмом вещества. Они скапливаются внутри и превращаются в сильные яды, которые в первую очередь поражают сердце и почки.

Итак, противники обнаружены. Но что можно ему противопоставить? Что помешать в борьбе с ним? Возможно, те же яды?

В конце XIX века выдающийся французский биолог Луи Пастер высказал мысль о том, что организм в ответ на действие небольших доз ядов вырабатывает защитные вещества. Эти вещества были найдены и получили название антител. Вскоре было установлено, что если вдруг бактерии попадают в организм вторично, их действие значительно ослабляется антителами. Организм становится как бы невосприимчивым к этим же отравлениям, заболеваниям. Иными словами, организм обретает иммунитет. Это явление сейчас хорошо знакомо каждому: кто в детстве пересек, например, корь, вторично не ею, как правило, не заболевает. На

ПЛАЩ

С утра было пасмурно. К полуночи прояснилось, но обманчиво: скоро с востока подул ветер, облака загустели, и пошел мелкий сенебольшой дождик.

Народ, собравшийся на митинг со всей Бессоновской волости (это было под Пензой), не расходился, а лишь плотнее скживалась вокруг небольшой трибуны, склоненной склону склону к досок и украшенной кустами.

Репер дежжал на митинге председателя ВЦИК Калинина, прибывшего слова с агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция».

Сегодня Михаил Иванович совсем передорвались яркому и теплому солнцу, проглянувшему в обед, стоя на трибуне в одной рубашке с расстегнутым косым воротом, подкованный узким ремешком.

Дождя уснился. Крестьяне держались друг другом как можно больше, чтобы знать, что творилось в молодой Советской республике, каково фронтовые дела в борьбе с белогвардейцами. Шел сурьиный, военный девятнадцатый год, Калинин говорил горячо, ясно, просто, убедительно, рубашка прищипала к плечам, по лицу бежали струйки воды. Он то и дело протирал очки.

И друг, откуда ни возьмись, над головами многомодной толпы понесся синий плащ. Передаваемый из рук в руки, по фуражкам, пальтам, шарфам и деловым треухам, плащ пытал к трясице.

Председатель Бессоновского волисполкома Новиков перехватил плащ, расправил его и накинул на щеки Калинина. Кивком головы Михаил Иванович поблагодарил, по-доброму улыбнулся, но густые брови его по-прежнему оставались сдвинутыми: он говорил о

невероятных трудностях, выпавших на долю молодой Советской власти в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Когда митинг кончился, народ проводил председателя ВЦИК с площади до самого агитационно-инструкторского поезда. Здесь население пропадало книгу, пластины. Михаил было занять в один из вагонов и посмотреть киножурнал и даже целую книгу о революции.

Михаил Иванович, беспомощно сидя в кресле, хмыкал: «Что же это за хамы такие? Кому это надо возвращать?.. Осмотрели плащ нет ни какого документа, удостоверяющего личности! Документа не было, но Михаил Иванович передал листок из школьной тетради, на котором было написано заявление в волисполком с просьбой обеспечить школу на зиму дровами, а на заявление решено: «Отказать. Новиков».

Явив плащ принадлежал кому-то из учителей местной школы, туда его и отправили. Но Михаил Иванович еще больше стал беспокоиться: плащ оставил без дров! Надо было ходить, как же у ребенка будет учиться?

Он отказался от обеда, понес к телефону, попросил соединить его с председателем волисполкома.

Вот ведь, стояли вы на трибуне, товарищ Новиков, смотрели в глаза своим людям, и не стыдно вам было?

— Не понимаю, Михаил Иванович. Говорите яснее, не падаете, — отвечал Новиков.

— Признайтесь в своих грехах. и вам будет ясно...

— На моей душе много грехов...

— Но этот самый тяжкий: ребят не любите. Своих, видимо, у вас нет. Для кого и для чего эти великие революционные свершения? Новиков, подумав, понял. Да слово напрячь все усилия, а школу спасти дровами.

Рисунок Л. Хайлова.

А Я

К Р

О В

Ь

этот принцип основания и прививки против инфекционных болезней.

Однако надо было доказать, что и ожоговые яды могут способствовать возникновению иммунитета, что в организме, перенесшем ожог, появляются противожоговые антитела. И. Федоров и С. Скуркович доказали это, проведя следующий опыт. В лабораторию доставили обожженную собаку. Спустя несколько часов после того, как врач Скуркович перелил большой собаке кровь другой собаки, ранее перенесшей ожог, животное начало поправляться. Опыты повторяли вновь и вновь, но результат не менялся.

Безусловно, была победа и большая победа. Но уже с самого начала на пути практического применения нового метода возникли немалые трудности: например, как быть с заготовкой сыворотки? Ведь не всегда можно быстро найти людей, перенесших ожог, и получить от них нужное количество крови.

Еще при проведении первых опытов на морских свинках было замечено, что при вливании крови обожженного

животному здоровому в организме последнего также начинают образовываться противожоговые антитела.

А что, если попробовать получить сыворотку от этих животных?

Поиски ответа на этот вопрос заставили ученых вновь провести массу опытов. Эти работы заняли целый год. Только к концу его в лаборатории Федорова появилась новая сыворотка. По своему действию она не отличалась от сыворотки, взятой из животных, перенесших настоящий ожог.

Но, а можно ли сыворотку, полученную из животного, использовать для лечения человека?

В 1890 году для врача — немецкий Е. Беринг и японский С. Китадай — предложили для лечения дифтерии использовать сыворотку лошади, в крови которой после неоднократного введения дифтерийного яда вырабатывалось противядие. С тех пор для борьбы с многими болезнями пользуются сыворотками, полученными от различных животных.

Федоров и Скуркович поставили вопрос: почему противоожоговый иммунитет.

воротка должна быть исключением?

Они перелили сыворотку перенесшей ожог собаки обожженным кроликам, мышам, морским свинкам — и все животные начали поправляться.

Но главное было еще впереди. Предстоит доказать, что сывороткой животных можно лечить людей.

Эти работы еще не закончены, но уже сейчас удалось установить, что ожогового антитела у различных животных и у человека близки по своему строению.

Ученые теперь стремятся получить сыворотку, не причиняя страданий животному, и использовать ее для лечения людей.

С окончанием этих работ представится возможность получения противоожоговой вакцины. Ее можно будет заранее (так же как сейчас делают с прививкой от инфекционных болезней)водить, например, пожарникам или людям других «опасных» профессий и тем самым вызывать в их организме стойкий противоожоговый иммунитет.

Г. ТАБАЧНИК

Клуб „КАТАРИНА“
наступает
на Королевскую улицу

Ресторанчик «Соллид» стоит на горе. Кольцом его окружает парк Сансанин. В парке, огороженном клематисами, прыгают обезьяны, снуют медведи, греются на солнечныеvronодники. Напротив тир, где можно попробовать взять самое большую призку убий «медведя». За тиром — теннисный корт. Фруктовый сад с яблонями и грушами, внизу, раскрашенный голубым цветом здание Столицы. В ясных дних хорошо видны шпили соборов и замков, здания крупных учреждений. На узких улочках, ведущих к горам, можно увидеть, как горожане на готовятся увидеть подругу. Зато на горе горожане превращаются. Всеми стенами своих домов, превращенных в римские арки, сообщают, что им прежде всегда весельчак. Город рассказывает, что он всегда был самым лучшим клубом, магазином, театром, концертом, спектаклем, выставкой, фруктовой водой. Илий Ларссон, рабочий бетонных изделий, медленно, чрез сопливину тянет Фруктовую воду. Он смотрит на город. Насту-рианским боевникам, магазином.

— Нина Ларисс, рабочая завода бетонных изделий, медленно, че-
моданом, вытирая фруктовую воду. Он сидит на краю койки. На-
плюк как раз входит из кухни и говорит: «Задишился!»
Превращается в город-веселый. Заныривается бани, слушающим уходит из кухни, вспоминая о том, что было вчера.

Люблю Столгольм, медленно говорят Гринт. Выпущена из
тряса соломинки... — Но иногда мне кажется, что он пахнет на роскош-
ных блестящих бедрудах. Но в нем нет картины, нет порога, нет киним-
ского шкафа, нет доброго, умного ходильца. Одним словом, позабытый
мир. И скороша превращается в мебель. От скунса начинает быть

посуду.
За соседним столиком веселилась компания молодых людей. Бутылки пустые, разговор становился все грромче. Огромного роста «вышибала» уже нескользимо раз подозрительно поглядывала на разгулявшихся парней.
— Вот жители той «квартиры», о которой я вам говорил. Но разве они виноваты?

Мы с Нильском встали и вышли из «Соллидена». Тан, значит, вам нужно попасть в клуб «Катарина». Я прошу вас привести меня туда.

Клуб «Катарина» недолго найти. Город пока не замечает «Катарину», потому что не удостоен ее неоновых вывески. Здание клуба скромно спрятано. Справа закусочная, где предают пиво. Слева фешенебельный отель «Мальме» — там обычно остаются богатые туристы.

В тот вечер в «Катарине» было, пожалуй, больше людей, чем в громадном холле отеля «Мальмье». Сюда приехала делегация молодежи из Ленинграда — первые иностранные гости «Катарины». Полный, добродушный Бельнье, председатель клуба, радушно принимает гостей.

— Для знакомства — шутит он — надо сначала выпить по чашке

После каникул, знаменитых, Заворотыши были. За краем стоянки раздраженный Сибиряк, большевик из Ленинграда, внимательно слушают, время от времени сдержанно кивают головами: интересно узнать, как живут советские ребята, как работает молодежный клуб в Монголии.

После второй чайки поднялся на холм, насыпанный перед заходом солнца.

— Расскажи нам, Быльев, как работает ваш молодежный клуб «Катаринка».

Всех зовем: требовали: «Еще! Ещё! Хорошо!»
Всем время перерыва студент Всевилльской технической школы Степан Бычков, 17 лет, просит: «Помогите!»
Здорово выступают ваши ребята! Мне уже говорили, что в Советском Союзе на каждом заводе, на каждой фабрике есть много певцов и музыкантов. К сожалению, этого еще нельзя сказать о школьниках. Но я уверен, что если вы усердно занимаетесь, то у вас обязательно получится. У меня есть пять советов:
1. Глубоко укоренившись в чувствах разобщенности и индивидуальности.
Каждый «Катарзис» в какой-то степени пытается уничтожить эти чувства. Он завоевывает все больше и больших друзей.
2. Учеба — это не только занятия в классе, это и спорт, это центр города. Невидимые часы печальных пробибли двинута над разом. Гроза, сила, Жила только эта улица. Мигали, бензовозы красные, зеленые,

Проходя по Королевской улице, я вспомнил встречу с Нильсом, и мне стало понятно его волнение за судьбу шведской молодежи, которую заперли в «квартире» и отгородили от широкого мира больших человеческих чувств и благородных идеалов. Я и подумал так же о клубе «Катарина», который вступил в борьбу с теми, кто своим эталоном считает жизнь на Королевской улице — бездумную, пустую, праздную. Кто победит?

В Столыпине есть парк «Миллесгартен», раскинувшийся на берегах реки Дона. В нем установлены скульптуры из белого мрамора и литья, шедевр Миллесом. Огромная рука подняла человека. И кажется, что человек вот-вот улетит ввысь, настремясь к небу. Скульптура полна динамики, чувства глубокой любви к людям. Группа из трех фигур, так называемая «Победа», мы думали, что в Швеции с каждым днем становится все больше рук, которые поднимут молодое поколение к солнцу и свету.

КАФЕ НА КОРОЛЕВСКОЙ УЛИЦЕ, ЗДЕСЬ, ЦЕДЯ ЧЕРЕЗ СОЛОМЕНКУ ИМПОРТИРОВАННЫЙ НАИТОК «КОКА-КОЛА», ЧАСАМИ ПРОСНИЖИВАЮТ БОГАТЫЕ БЕЗДЕЛЬНИКИ В МОДНЫХ КОЖАНЫХ КУРТКАХ. РАЗГЛЯДЫВАЯ ПРОХОЖИХ И ЛЕНИВО ПЕРЕГОВАРИВАЯСЬ, ИМЕННО на эту королевскую улицу ведет наступление клуб «КАТАРИНА».

НОВАЯ ШВЕДСКАЯ АРХИТЕКТУРА, КОНЕНЧНО, ИМЕЕТ МНОГО ДОСТОИНСТВ. Но украшает ли двор эта ЖЕЛЕЗНАЯ «СКУЛЬПТУРА» под названием «ДОН КИХОТ», — СУДИТЕ САМИ.

Рисунки Л. Владимирского.

НА ОКРАИНАХ СОХРАНИЛИСЬ СТАРЫЕ ДОМА, КОТОРЫМ НЕСКОЛЬКО СОТЕН ЛЕТ. ОНИ, КАК И РАННИЕ ГУСЕЙНЫ, НЕ ВРЕДЯТ. А НОВЫХ ДОМОВ ОЧЕНЬ ДОРОГИ. ПЛАТА ЗА НИХ УНОСИТ ПОЛОВИНУ ЗАРАБОТКА.

ЭТО НЕ ТОЛЬКО МАЛЫЙ, но и ПАМЯТНИК МАЛАЯ ПОДОЛЫ И ГОРОДА ГЕРГОВОРГ. ЕЩЕ ИЗДАЛИ МОРЯКИ ВИДЯТ СТОЯЩУЮ НА БЫСТРОЙ ОДНОИЗДАНИИ СОВЛАДАЮЩУЮ ИХ ЖЕНЩИНУ. ПАМЯТНИК ЭТОТ ПОСВЯЩЕН ВДОВАМ МОРЯКОВ.

НАБЕРЕННАЯ В СТАРОЙ ЧАСТИ ГОРОДА, КОТОРЫЙ ЧАСТО НАЗЫВАЮТ «СЕВЕРНОЙ ВЕНЕЦИЕЙ». ЯХТЫ МОГУТ ПРИЧАЛИВАТЬ ПРЯМО К САМЫМ ДОМОМ. А МАМЫ, ВДЕРЬ СТОКГОЛЬМ РАСПОЛОЖЕН НА 14 ОСТРОВАХ.

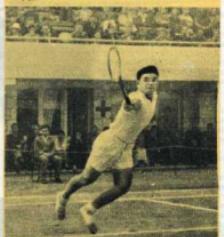
М О Л О Д О С Т Ь

Т. ЛЕЙУС.

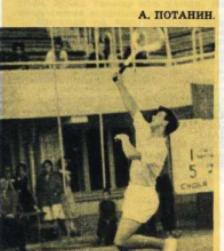
А. ДМИТРИЕВА.

С. ЛИХАЧЕВ.

В. КУЗЬМЕНКО.

А. ПОТАНИНА.

В ЮНЫХ НИКАХ этого года в лондонском турнире первенства мира проходил ежегодный турнир теннисистов, признаваемых всеми официальными первенствами мира. В этом турнире выступил советский спортсмен Томас Лейус с сильнейшим игроком мира австралийцем Фредом Ником. Не сомневалось, что оlympийский австралиец легко одержит верх над юношейми. Однако, играя без малого четыре часа, прежде чем Фредди добился успеха. После этого он встретился с советским теннисистом Томасом Лейусом и сильнейшими игроками мира — серебряными соперниками. Следопыты единогласно признали ее игроком международного класса. Олимпийский рекордсмен Томас Голеа, который разыгрывается между европейскими национальными командами, выступил в роли из теннисистов в возрасте до двадцати лет, заставил еще раз обратить внимание на молодые теннисисты Команды ССР в составе Т. Лейуса, С. Лихачева, А. Потанина и А. Чугунова, занявшими места в группе, что в финальной встрече Франция ССР — 3:2 — говорят сам за себя.

Чем же объясняются столь замечательные успехи наивысшей теннисной группы? Известно, что в последние годы этот красивый и увлекательный вид спорта культурно-образовательным наставником в Москве и Московские теннисисты, по существу, не имели соперников. Первостепенное значение в воспитании любителей принадлежит Там и Потанину: если «рождался» новый хороший игрок, то он непременно играл в Быковом спорткомплексе в Москве либо в Ленинграде. А теперь?

«Случилось это, — сказал Николай Никонов, — потому что А. Потанин и не приехал на отборочный турнир, проводившийся перед отъ-

ездом теннисистов на розыгрыш Кубка Гагарина. Вместо ленинградского Никонова, призываемого к первенству, этот юноша завладел симпатиями зрителей. Как водится, посыпалась пыльца.

Москвич?

— Наконец москвич, он из Сочи! Ну и деда Чугунова, где же москвичи? — рассуждали болельщицы.

И не было сомнениям в его гордости. Он был уверен, что на каждой цифре в счете, приводимой в первом темпе теннисиста, и в какой не предстает.

В «Юных» сильнейших теннисистов входит спортсмен четырех городов: Москвы, Киева, Тбилиси и Ростова-на-Дону. Самые лучшие теннисисты представляют шесть городов: Москвы, Киева, Тбилиси, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку и Средней Азии. Всего теннисистов четырьмя москвичами, два киевлянами, две девушками из Тбилиси, одна из Сочи, одна — из Баку. А среди лучших теннисистов-юношей Томас Лейус, Томас Чугунов, Томас Кузьменко, Саша Соколов, один из Ленинграда и один из Риги. А москвич нет совсем. В первенстве занял лишь на первое место юный Таллин.

Изменился не только состав «детской» команды и стиль национальной сборной. Оборонительная линия — так играли несколько лет назад. А теперь наши теннисисты играют наступательно, с выходами и сетке, применяя «резные» удары. Такой нападающий теннис, как в советских детских теннисных школах. Применяясь перестраиваться пришлось не

только игрокам, но и тренерам. И Телякова, тренера общества «Линик», в привычном десигнатирате членом страны рассказывал:

— Три пятнадцати лет я в теннис играли, только на заднем плане. Так играла и я. Теперь, играя так, можно только проигрывать!

Но есть выводы. Заботливое воспитание подрастающих теннисистов, они неизменно приносят плоды. Не случайно лучшая ее воспитанница Анна Дмитриева играет в соревнованиях взрослых спортсменов. Ее у Нины Сергеевны и другие способные ученицы. Например, Таня Чубарова, в детских соревнованиях получила золотой кубок за активную игру.

Возьмите хотя бы Е. Егорова и Б. Колобова. Эти фамилии еще год назад были неизвестны даже сильнейшим.

Но на первенстве Москвы, обыграв многих участников турнира, в том числе и Сандора Сандрова, они вышли в финал. Колобов стал чемпионом столицы. О том, что молодежь поискует занятий спортом, несмотря на зоны, на которых проходят первенства страны. Но них отличие — 17-летний выпускник теннисной школы школы Н. Мадзинавишвили. Из таллинов в финал вышли В. Тамм и А. Вийм, оба одержав победу в соревнованиях.

Обо всех этих спортсменах мы скажем в грядущем году, мы недавно услышали о Томасе Лейусе и Ане Дмитриевой. Их спортивные биографии только начинаются.

Нина ЛОБКО

Н А III Е Г О

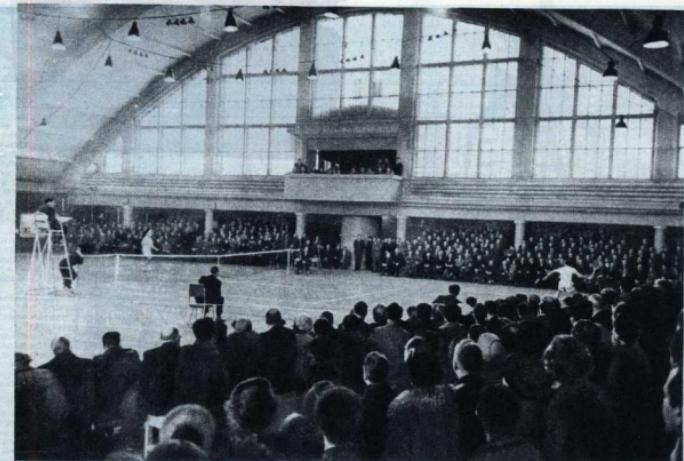

Фото А. Бурдукова и А. Вочинина.

Т Е Н Н И С А

ПОБЕЖДЕННЫЙ АДАМАС

ПИСЬМА ИЗ АЛМАЗНОГО КРАЯ

Летним утром 1958 года в просторном кабинете в гостинице «Мир» собрались десять журналистов. Они окажались одним из заправки Всесоюзного алмазного синдиката, Чарльза Туливера.

Дело в том, что на мировом рынке появилась большая партия советских алмазов. Вулкан, вдруг образовавшийся посреди алмазной столицы. Претории, не вызывал большей сенсации. Алмазная биржа буквально сошла с ума. Все устремились к алмазам, прибывающим из добычи, никак не известной Якутии. На камнях крупноточечные кристаллы, как и сладкому, сплетались эксперты. Заключение было неутешительное: камни великолепны, а их количество позволяет предположить, что их источник — одно из богатейших месторождений мира. Какое?

Оказалось, что камни принадлежат алмазной трубке «Мир», открытие которой русские сообщили еще на XX съезде КПСС. Но кто бы мог подумать, что алмазы будут добывать в самом сердце Сибири? И вот лет, как алмазы из первенца в непролазных тайгах месторождения уже заявили о появлении на мировом рынке нового серебряного постышника радужных камней, без которых не может существовать современная промышленность! Алмазные короли зевали на своих тронах. Панаха росла.

Туливер, «считавшийся неплохим специалистом по Якутии», внимательно оглядел собравшихся журналистов. Они представляли по крайней мере двадцать утренних и вечерних газет.

— Все вы слыхали о восточных россыпях, открытых недавно в джунглях, — начал он. — Это были богатые россыпи, но их пришлось оставить, потому что человеческий организм не выдерживал ядовитых испарений, поднимавшихся из болот. Так вот, место, где откры-

та кимберлитовая трубка «Мир», даже среди местных, вкуста, считалось и считается нежным. Туда не ходили охотники, потому что звери не водятся в тамошних хильных лесах...

Я не политик и не врач, — Туливер встал, язвя Бамбуковую указку, прошел к карте, — Я могу знать, почему равна физическая сопротивляемость человека, повара и алмазного инженера. Но я, инженер и горючий фактам. Вот Москва. Отсюда до Иркутска пять тысяч километров. Дальше до алмазного центра Мирного, полторы тысячи километров дикой тайги и болот! Там можно ехать два месяца и не встретить человека... Поблизости нет строительных материалов, машин, металла. Все это надо привезти. Но как?

— Недалеко от русских алмазных разработок проходит большая река, — сказал кто-то из корреспондентов.

Ленай. До нее граничат километры непролазных тайг. Строят там дорогу — все равно, что намыливать плотину из сахара песка. Я привык иметь дело с джунглями, но я не взялся за такое строительство. Зимой в тех местах бывает минус шестьдесят, а летом — комары, которые, если им дать воду, за сутки сделают из здорового человека мешок скрошенного мяса...

Подождев, пока утихнут оживленный гул, Туливер подвел итог:

— Для того чтобы алмазы придется мостить... алмазами. Не думаю, что они на это согласились. Если даже им удастся избегнуть продовольственного голода, то голов электрический вскоре остановят обогревательные фабрики. Откуда они возьмут электроэнергию втайге? Разве научатся аккумулировать энергию молний, бьющих в трапповые развали?

На следующий день первые страницы газет чернели крупными заголовками: «Авантура,

обремененная на провал», «К русским алмазам нет пути»... Туливер отыскал статью Дэвида, журналиста, в котором был опубликован «Инженер», писавшего всегда основательно. «Русские алмазы разоряли мир тем, что совершили из казахов бы, невозможное в невероятно короткие сроки», — писал Дэвид. — «Их энтузиазм и особое понятие человеческого долга стоят на уровне того, что называют героизмом. Но бывает непреодолимо. Таким непреодолимым стали якутские алмазы. «Алмаз» — по-гречески «адамас» — означает непобедимый. С этим нельзя не считаться... Если русским удастся прорвать таинную блокаду в ближайшие десять лет, нам придется повернуть в невозможное».

Тревожная морозная всполоха тишину на мухтукском телеграфе. «В городе кончается продовольствие тук принимайте срочные меры тук...»

Это был голос советской алмазной столицы. Вторую неделю самолеты рвались к Мирному. Но город оделся туманами. Тщетно кружились «Антоновы» над тем местом, где, согласно карте, должны были ложить алмазный радиальный разрыв. Истраги горючее, самолеты свирепствовали обратно, сбросив наугад часть своего груза.

Положение становилось угрожающим. Тогда к Мирному сквозь непролазные болота и та鋪у двинулась тракторная колонна, тащащая прицепы с продовольствием.

Блокада была прорвана. Но надолго ли? Нужна была дорога. Дорога, которая будет работать днем и ночью, в морозы и туман, в распутьи и дожди.

Дорога — это жизнь.

...Начальник автоколонны в пахнущем морозом тулюпе тяжело опустился на краешек Юринской койки.

— Знаю, другою похоронам. Но дело, помишаешь, брат, такое — парню новеньких «ЗИЛов» надо по Лене из Осётрова перегнатать. Да очинь ты! — Начальник встремил Юрия за плечи... — Дорога, — крикнул он, — дорога... Нашиншил брат... Мухтук! Люди этой дороги, может, больше хлеба жаждут... И, словно рассердившись на себя, добавил: — Только я не угариваю: тут, может, жизнью придется рисковать... Все-таки тысяча километров по снегу, без дороги. Но поедешь — не осудят.

Начальник автоколонны ждал ответа. Слияясь добровольцем-перегонщиком рос. Юрий пршел в последний день и коротко сказал:

— Еду!

В Осётрове к машине Пименова подбежал долговязый молодой человек в очках, с красным членодоманом.

— Будьте добры, подвезите меня до Мухтуя! Я инженер... из Ленинграда...

Он сказал это так, будто собирался к тетке на Литеиней.

— Идите спать, — ответил ему Юрик. У нас спецрейс — тысяча километров по Лене и тайге.

— Я это знаю, — сказал очкастый. — Но я приехал работать в тайге, и меня ждут...

В пути, узнав, что «ЗИЛы» идут на строительство дороги в Мухтуй — Мирный, ленинградец оживился:

— Вы знаете, это же чудесно! Вот Лена — самый дешевый и удобный путь на Сибирь! Инженер начертит ее палкой на зетровом стекле... Мы сидим в машине с Мирным. И тогда, пытаясь от архипелага в Сибири водной артерии, алмазное сердце забьется ритмично и в полную силу. Овощи, мясо, книги, машины — все пойдет в Мирный непрерывным потоком... Инженер волновался так, будто он сам все это придумал... Сейчас там затеяется строительство обогатительного комбината.

В это время машина, выбравшись из узкой колеи, с размахом врезалась в снежный занос. От сотрясения поплыло зетровое стекло, а мгновенно спасливый, больно стукнувшись о крышу кабинки, всем тяжелостью обрушился на водителя. Было похоже, что из захлестнувшей окенская штормовая волна. Колеса грузовика

беспомощно барахтались в колючем снегу. Мотор рычал с угрюмой ненавистью бульдога, завидевшего врага. Юрий выскоции прямо в сугроб и полез в кузов за лопатой. Занос оказался большим. Машины пришли поодиноке перетягивать на крепкий грунт. Колеса скользили по льду, стальные трости рвались, как проволочные нитки. От мороза и налетов наростов с треском лопались бланки. Тогда начали срываться.

А впереди еще тысяча километров бездорожья. Миллион метров ухабин, трещин, оголившегося льда и заносов. Два миллиона шагов за дрожащим от напряжения задним бортом, когда уже только чешуйчатые руки, израненные раскаленным от стужи металлом, могут вытнуть бкусующую машину.

Поднялся снегопад, и машина превратилась в звук. Медленно приступает влаги, рождается густой туман. Каждая машина, как реанимированный самолет, тянет за собой плотный молочный хвост. Колонна движется всплесну. Если смотреть со стороны, кажется, что по ледяному полю приполз огромный белый песьес. Зверь фыркает, спотыкается, замирает, свертывается клубком, словно отогревая обмерзшие лапы, и потом снова крадется вперед, оторвавшись от снега.

Уже на третий рейс поездели, покерчили, обросли щетиной. От напряжения и бессонницы у многих слезились глаза. Люди почти не оставляли себе времени на еду и совсем мало спали — ровно столько, чтоб не уснуть за рулем. Инженер из Ленинграда уже не цертился на стекле причудливые контуры будущей трассы. Оживлялся он только у костра, и тогда, лихорадочно блестя блузорукими глазами, рассказывал шоферам о Ленинграде, его улицах, театрах и даже о девушке, которая ждет его письма.

А потом кто-нибудь другой так же откровенно рассказывал о самом дороге на свет, чего никому никому не поверят. И товарищи как должное принимали его внимание, потому что в то время не было, на земле людей, более близких друг другу.

Как ни спешили, а к Пляжным Быкам вышли только к вечеру. Огромная луна как-то сразу вымыла из глаза сирот, ее зрачки садились зыбкими и неверными очертаниями бархатом. Впереди, стиснутый огнемы, белел мицирский проход — знаменитый Алексеевский затон, самое опасное место на Лене. Скакать в скользких тисках, река беснется и, стремительно удаляясь у один берег, откатывается кругой волной к другому. Когда-то в темные волны затона канули сразу две баржи — одна с быками, другая со спиртом. С тех пор это место зовут Быками. Погодите, а в Быках Быкам ночью — большой риск. От бурного течения лед во многих местахтонок. Но ребята спешники, и первая машина уже втягивалась в мрачную зеву затона.

Инженер проснулся от хлюпывания в кабину холода и не сразу понял, что произошло. А когда разглядел, оцепенел от ужаса. Там, где шла передняя машина, темнела огромная дыма, некрасивая, черная, тяжелая, будто жидкость плывала пустая бочка из-под борзина. Когда бочка наклонилась, вода с грязью чокнувшись всасывалась в открытое отверстие. Рядом темел какой-то предмет, проплылокий к краю льда. Это был человек. Он до половины вылез на снег, оставил в пыльные ноги. Лыдина под тяжестью человека скривилась, пустив глубокие трещины в почку. Под грудь лежала упавшая вода. Еще мгновение — и обладатель тела, изогнувшись, сорвался в темный водоворот. И тут инженер увидел, что право к краю льдине ползет камень, то есть существо. Поняв дополнительную тяжесть, лед прогибась все больше.

— Остановись, Юрка, назад! — крипмышили шестопом крикнул кто-то. — Оба погибнети! Назад! Багром попробует достать...

Шестьдесят пять градусов неожиданно следили за каждыйм движением ползущего. Иногда тот замирал, и сияя рукачики, дышащие побелевшими пальцы, Да воды оставалась метр, потом метров пять, потом метров восемь. Юрий поднялся и распластившись на лицу, начал плакать. Теперь они оба убыли в воле. Встав на четвереньки, Юрий поборолся оттеснить окончавшееся тело от края поляны, но оно приплыло к лыдине. Тогда, достав охотничьи ножи, он стал осторожно вырубать примерзшую ко

льду телогрейку. При каждом его движении вода скатывалась все дальше.

На берегу затянули дыхание. Громкий всплеск, всхлипывший тычину, бросил всех к полынью. Но это затонула наглатывавшая воды бочка. Вытнувшись наконец обморморенным человеком на лыдину, Юрий растерянно посмотрел на него: неужели он так и останется здесь? Потом, склонившись, чтобы обследовать ватник, рыхкими пополам обрывками.

Юрий уже не помнил, как чь-то руки подхватили его ноги, не помнил, как его самого, растерев и напояв спиртом, уложили в спальный мешок. Он опомнился минут через двадцать, когда к нему в мешок кто-то заглянул и сказал:

— А спасенный — твой очнулся, только ноги здоровье поморозил. Тебе не надо чего? Может, доледа еще пристеш?

Юрий отрицательно потянул головой и вдруг ясно осознал, что нет в нем больше ненависти к тайге, погубившей друга и уничтожившей его планы. Он сжал кулаки, сжал кулаки. Он вспомнил, как прошлым летом тащил засевшую на отрезке Мирный — Мухтуя «старуху». Хозяин «старухи» просидел на дороге шесть суток. Продукты ему хватило на три дня. Потом он питался грибами и голубицей, хотя vez полный кузов консервированного сухого молока. Он не открыл ни одной банки: молоко ждало мицирские ребяташки... Вспомнилось, как за неделю до этого в Мирный приехал Юрий, чтобы вести дороге в Мирный девята-шатукутуры. И еще много, много других. Люди шли и шли в глубь суровой страны. Значит, было на свете что-то более сильное и значительное, чем стремление к теплому углу или даже боязнь смерти...

Где-то на Мухуте небо вдруг раскололось, выбросив ослепительное голубое сияние. Зарево луцилось, перевелившись в огненное и рожая голубые звезды. У Юрия перехватило дыхание, вот такие красные звезды, как на картинах. И на сию минуту ему показалось, что это звезда не северного сияния, а склонит над Якутной огромное, в миллиарды картов, прозрачное алмазное солнце.

«А машины все-таки довели... И дорога будет, будет, будет!» — слизывая соль с губ, подумал Юрка.

2

Измученный, запыхавшийся «козель» сердито прыгал с ухабины на ухабину, как бы демонстрируя своему хозяину, все несовершенства дорожной инфраструктуры большого человека, сидящего за управлением. Отец, конечно, он был не только хозяином машины, но и хозяином дороги, по которой та выедывала козлиные прыжки. Все лето ощущало люди дожди. Небо сморгалось от сырости, но продолжало источать мелкие, холодные капли. Зима превратилась в жижу наподобие сгущенного каева. День и ночь по полотну дороги позывали осматривающих тело из-под снега тракторы и съезжавшиеся на булерьев грязи. За ними, гремя ножами, шли автогрейки. Люди работали по две-три смены.

И все-таки вчера Ленкову позвонили, что на 135-м километре засело целых сорок самосвалов. Начальных дороги направил туда тягачи и танкетку с продовольствием. А следом выехал сам. Когда «кладбище» словно было расставлено, Ленков приказал закрыть дорогу и начать штурм 135-го километра.

Болото, в котором по колено утопали окрестные леса, оказалось не таким, что прорубают все дороги строительства мазротных автомагистралей. Согласно этим теориям, прямо на мокладуя листвиненными стволами, которые засыпаются потом метровым слоем гравия и песка. Под тяжестью насыпей стволы опускаются в мерзлоту и становятся неизуляемыми. Здесь же выглядели по-другому. Беззубая пасть болота, проникка под насиль, до тех пор жадно обсыпавшая могучие бревна стволей, пока тела не хватало, не справлялась с прорубаемыми в них ямыми. Тяжелые танкетки и седадло. Тогда строители трассы Мухтуя — Мирный обзавелись своими собственными приемниками уклошения грунтов: ведь когда-то такими же щипчиками их встретил пыль, пятнадцатый, по сортоковой километру!

После «игуаны» Ленков ехал усталый и немного опустошенный, как генерал после вы-

игранного сражения. И вообще все это слишком напоминало войну, начиненную с танков, несущих пестрые машины, и конных строительных бригадами, шедшими на соединение от Мухтуя и Мирного, как две союзные армии. Неожиданно перед самым радиатором «еганки» оказалась синеглазый скозняк Иванушка. Иванушка был в полосатой дельнише и синеглазых шароварах.

— Садись, Коля! — Ленков остановил машину.

Паренек нырнул на склоне. Его лицо озаряла такая заразительная улыбка, что становилось ясно: улыбка и радостное свечение в синеглазых глаз — постоянные Колини качества, не покидающие его даже в самые трагические моменты.

Колед Федулов вызывал у Ленкова сложное

чувство досады и удовольствия. С одной стороны, его покоряло острое жизнелюбие этого комсомольского вожака. А с другой — раздражали постоянные требования, которыми от имени своих комсомольцев наделял ему Коля. Требования эти были всегда справедливы, и это еще больше сердило Ленкова, которому казалось, что на войне как на войне и нечего возопаряться из-за отдельных недостатков.

Освоившись из-за отдельных недостатков.

Совсем из «коэзлинской» вибраций, Коля сказал:

— А спортинвентарь так и не завезли, Борис Николаевич, и в общежитии по-прежнему голод. Что же нам, в Москву писать?

Ленков хмыкнул.

— Зачем в Мухуту едешь?

— Футбольный матч там — наши, нюйские,

с «Икутальзом», — обиженно сказал Коля. — Лучшие трофеи команда! Очеров играет, Байков, Мороз...

Молодцы ваши москвичи — что-то вспомнил, неожиданно сказал Ленков.

...Они стояли переди небольшой комнаты, и все трое со злым возмущением следили за огромным, по-медевийски сильным человеком, легки, шагавшим из угла в угол.

— Зачем приехали? — гремел великан. — Думаете, одолжение сделали? Да у меня все видели, как вы вчера в сорокадвадцатом часу проследили, что у вас в сорокадвадцатом часу удалили взятки на два месяца от таких туристов-умзборчников, только рабочих деревят... И, скваты со столовой какую-то бумагу, сунут им в ноги. — Вот по-любитеся! Киевский папаша жалуется в ЦК, что в Мухуте издаверяют над его сыном: посыпают овсянкой тайгу в сорокадвадцатом мороз! А я отвечал: в жалобе все абсолютн верно, только осыпают тайгу более приятным способом... Ну, скажите, что возможно. Отправили это письмо кертио, и оно забытое обратно в Киев! — И сразу, среди огней, сквозь языки голубого — «Ну, расскаживайте, москвики, как добрались...

В автодорожном институте их звали «кеты» — скретчный центр нападения. Их было четверо:

ро, и все четверо составляли гордость институтской футбольной команды. Однако сами ребята знали, что возникло некое содружество во все не на почве футбола или бокса: просто все четверо как нельзя более подходили друг другу: очень сильные, очень веселые парни. Даже во внешности у них было много общего: все четверо модно одевались, коротко стриглись и терпеливо носили прозвище «дядечки», достань воробышка. Были у четырехкратного центра и своих привычек. Они любили гулять в сильный ветер, когда тугой, влажный воздух несет в себе едва уловимый запах огромных просторов. Тебе же, если ты лично к этому верти, показалася страшный, отчаянно-радостный зов, неизвестный и влекущий зов дальних дорог. Эти еще не построенные дороги манили их огнями селений, к которым надо было прийти.

— А чья бригада?

— Мирослава Ферковича,— все так же серьезно ответил парень. И вдруг его красивые глаза под кустистыми русыми бровями подсияли заулыбались.— В общем, это я Феркович. Значит, вместе будем работать...

— Это правда, что временный мост в построили за неделю?

— Иначе не было,— нахмурился Слава. Виновато заметив, что бригадир старается не употреблять склонно-подчиненных предложений и вообще разговорчивостью не страдает. Впрочем, от начальника дороги он уже знал, что бригада дает по полторы-две нормы в день, что ей присвоено звание бригады коммунистического труда и что вообще это золотые ребята.

...Оказывается, земля бывает чугунной. Ско-

га, донесся странный шум. Все трое разом вскочили и, одеваясь на ходу, выбежали на улицу. Шум нарастал, он шел с реки.

— Я так и знал, что Нюя что-нибудь выкинет! — задыхаясь от бега, крикнул Виталий.

Они кубарем скользнули к реке. Свежий на ветер сапогами трещавший дашнице не раз лицам лиц. Все слилось в одно светлое пятно. Вода хлестала в котлован, вырывавшись из подземных жил. Люди прыгали прямо в широкие струи, забыв о трескучем морозе. Брызги воды, попадая на снег, шипели, как на сковородке. Воздух кусал легкие. Вместе с какими-то парнями Виталий, поскользываясь на присыпанном снегом льду, притягивал тяжелый насос. Насос хрюпал от натуги, а вода все прибывала. Ребята устали разбивать стремительно

Рисунок А. Ерасова.

Но зов дороги слышали не все... В купе поезда, спешившего на восток, сидели только трое: Виталий Мороз, Виктор Овечаров и Володя Байков — расстягиваемые и подавленные. Четвертый остался там, на московском перроне, что-то жалко бормоча о глуши, о развитии личности, о маме...

3

Утром втроем отправились осматривать место, где им предстояло жить. Крохотный поселок, рубленный из лиственницы, жалел среди невысоких, закутанных лесом гор. На горах взбтым лесом, склонами, покрытыми снегом, блеск застывшего солнца выше не успело их счесть. С круглого склона, почти не виляя, спускалась дорога, по которой они приехали вчера. Это и была знаменитая трасса Мухтуя — Мириный, «траска жизни», как называли ее местные жители.

Дорога стремительной падала вниз и тут остановлялась со всем разбегом, сплющившись с опокой и северной речкой Нию, которая, как все северные речки, только на кончике носа, в обводах его обстоятельства из жизни Нию им сообщила Кола Федуловых). Как бы там ни было, Виталию Морозу предстояло перекинуть через эту самую Нию первый в Якутии двухсотметровый бетонный мост с металлическими проплётами. Володя же Байкову досталася сама дорога.

— Вася, давай левее! Поворачивай бревново!

— Есть, поворачивать!

Слова звучали четко, по-военному. И Мороз, подойдя к ребятам, не выдержал: «принеси»;

— Что у вас в боевом подразделении?

Коренастый парень, с невозмутимым, широкорастянутым, жалованьным взглядом, ответил неожиданно серьезно:

— Так и есть, вся бригада по комсомольским путевкам, прямо после демобилизации. Многие и служили вместе.

вянная морозами, она не поддавалась ни на сантиметр. Котлованы для мостовых опор пришлось ковать отбитыми молотками. От этих молотков с неприятными пульами на руках суставы. К Нию подступались осторожно. Снимали верхний слой грунта сантиметров в пять — десять. Ждали, пока мороз «схватит» следующие двадцать — тридцать сантиметров, и снова вглядывались в речной дно. Река была подозрительна, но покорна, и это тревожило Мороза.

— Забавно все-таки получается, — грунт специальный морозом, а мы снегом раскладываем, чтобы не оттаивать, — Виктор, посмеиваясь, поглядывал обычный в их район — тушеник, который назывался в тот день крагу по-южн.

Ему достался очень трудный участок, может, самый трудный и хлопотный — гражданско-строительное.

Грунт — это что? — Виталий вздохнул, не опрокинув доску, на которой Володяставил ему мат в тридцать два хода... — Вот сегодня подошел ко мне Феркович и спросил, какими идеи высказывали Слинцовы. Я бормотал что-то невразумительное, и он, не слушая, стал что-то диктовать, — парнем и за то, что стоял, молчал, чай, мог, и что с лекции бегал... Им ведь просто не верится, что выросшие в Москве и пять лет сидевшие в институте могут в чём-то оставаться профанами...

— Зифасофтировался ты, парень, лучше спасай своего короля. — Володя ткнул его в бок.

— А случай с Андреевским помнишь?

Это было вскоре после моего приезда в Мухтую. Заходя в книжный магазин, они leisurely оглядывали полки. И вдруг, вспомнив, решив удрать с библиотекой, подбежал Леонид Андреев. Девятнадцатицати, сквозь скисавшие, исчезающие «Ну, зачем ты там?» — возмутился Володя. Андреева и в Москве ни за что не отыскали... «Избранное» Леонида Андреева они несли домой в смущенном молчании. Вот тебе и таежная глуши!

Беда пришла на рассвете. До крохотного вагончика московичей, стоявшего у самого бере-

растущие глыбы льда. Вода угрожала уничтожить плоды четырехмесячного труда.

— Вот гадина! — сердился черный, как негр, Павлов. — Мало ей сорока градусов — пятьдесят подавай! Не замерзает, хотя ты сядь на нее!

— «Пятьдесят подавай!» — машинально повторил Мороз и вдруг заорал, все се говоря: — Вентиляторы! Вентиляторы! Вентиляторы! Черт побери все онемело и стало, будто над землей простояла гумка летняя гроза. Все с трудом переводили дыхание, еще не понимая, что опасности миновала.

И тут произошло неожиданное. Кто-то первый крикнул дурдашливым голосом:

— Эх, топни, нога, — расслышали, тайтай!

Напряжение, которое часы сковывавшее людей, вдруг вылилось в приступ головоломного сумасшедшего веселья. Ребята валялись по снегу, прыгали через ямы, выдирали на льду невероятные рожи. Можно было подумать, что неизвестные дни присывают самым веселой собой праздник.

Как эту трассу законим — дальше на север пойдем! — кричал в самое лицо Морозу совершенно ошеломивший от радости Кола Федулов.

— Пойдешь с нами, инженер? Да я знаю, пойдешь. Все пойдут!

* * *

Недавно я вновь побывала в гостях у строителей трассы Мухтуя — Мириный. На берегах Нию золотились гигантские оплубки для опор, сделанные плотниками Ферковича. А последние деревни поднимались сырый хлеб уже готовой опилки.

— Весной сдадим мост, — сказал мне Виталий Мороз. — А попозже и всю трассу. Путь на Мирины открыти!

Я посмотрела вдоль полотна. Пройдёт годы, и якутская тайга прорежет сотни таких же дорог. Но трассу Мухтуя — Мириный нужно отметить на карте какими-то особыми пунктами. Ведь это был первый шаг к нашим алмазам, и этот шаг был самым трудным.

Чиновные розы

Георгий ОСИПОВ

Ветвь и радостная золотая осень в Ереване. С Арагацской долины, окаймленной серебристыми поясами Аракса, дует теплый ветерок, а в ущелье Раздан будит Занглу, принося с высокогорного озера Севан прохладную свежесть ноября.

Неповторимы в ярком осеннем обрамлении тополей и лил прямые, как стрелы, проспекты и улицы армянской столицы. Радугой переливается под солнцем «удобренец» туф. В Ереване — туф на красном, золотом, кремевом, серого, черного туфе. Поэтому улицы всегда яркие, праздничные.

По вечерам город залит огнями. Отменно-красная цифра «40» сверкает в небе, освещает контуры легендарного Араката, висящая над площадью Ленина. Она как бы сияет над городами, поселками и селениями республики, отмечаяющей 29 ноября свое славное юбилейное.

В центре Еревана раскинулся парк Коммунаров, бывший Английский сад. В его аллеях цветут пунцовые розы. Говорят, что они не вянут почти до самого снега, ибо взращены на корнях бород, отдавших жизни за свободу Армении.

Розы на промысле, дорогой товариши, войти мне в вождение твоих старых родителей и передать им алое знамя, символ торжества коммунизма, за которое ты доблестно погиб в первоначальной борьбе. Ты не дождался, но блажок тот час, когда красная звезда яркими, радостными лучами засветит над всем миром и когда на могилах наших народных страдальцев расцветут пунцовые розы...»

Эти зазвучавшие слова из некролога, посвященного героической смерти одного из виднейших борцов за власть Советов в Закавказье, Петра Аревладзе, целиком можно отнести и к тем его соратникам из Армении, которых отдали жизни за свободу сегодня и положили сейчас в окружении пунцовых роз и багряной листьев в парке Коммунаров.

Над каждой могилой надпись: «Степан Аллавердян, Баграт Гариджанян, Саркис Мусателян. Кто они?»

В моих руках лежат пожелтевшие от времени архивные документы: жандармские донесения, большевистские листовки, брошюры, семейные фотографии. Они помогают воссоздать образы этих пламенных патриотов, верных сынов партии коммунистов.

Старший из них — Степан Аллавердян — включился в революционную борьбу, еще будучи школьником. Большевистские рабочие в Тифлисе выбрали его в один из первых членов ЦК партии. Самые первые большевистские агитаторы в то время царствовали в правительстве, а после Февральской революции руководитель уездной большевистской организации — вот вели его биографии. Министерство правительства Грузии высылало Аллавердяна в Армению, где он становился одним из основателей Коммунистической партии Армении. Выдающийся оратор и организатор, один из руководителей майского восстания против дашнакского режима, Степан Аллавердян заложил палачам:

— Помните, дело революции не умрет. Радищие и крестьяне Армении станут у власти и отомстят!

Вместе с Аллавердиным был расстрелян коммунист Саркис Мусателян. Командир разведки бронепоездом в войсках дашнаков, он не мог примириться с жестокостью и предательством дашнаков — прислужников иностранцев империалистов. Он безоговорочно переходит на сторону революционного народа, на сторону Коммунистической партии. На увещевания контрреволюционного генерала Гамазова молодой Саркис Мусателян ответил:

— Не пытайтесь повернуть вспять колесо истории, ваша пеесенка сплита. Лица русский революционный пролетариат может спасти

армянский трудовой народ. А этот народ — против вас.

И третий. Баграт Гариджанян... Верны мы революции! Пронзен подразумевал казнь слов, ставшие символическими:

— Сейчас вас нас рассстрелят. Земля Армении обагрится нашей кровью! Страна станет красной. Не забудьте этих моих слов: Армения станет красной, советской. Да здравствует Советская Армения!

Я сам был участником расстрела Баграта Гариджаняна на одной из оживленных улиц Еревана и слушала рассказ о жизни и смерти человека, над могилой которого цветут пунцовые розы. За столом жена и подруга героя-революционера, помогавшая ему в подполье, — милая персональная пенсионерка Армении Седракянка, его сестра — старая большевичка Сиракуни Белягровна, doch — научный работник Офелия Багратовича, сын Георгий, иные профессор, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма одного из ереванских вузов, винчук и винчи, среди которых двое носят славное имя деда, жизнь которого оборвалась в тридцатых летах.

Если видишь человека с поблекшим лицом, в старой одежде. Со склоненными к земле головами. Со склоненной на грудь головой, знаю, что это бедный учитель...

Так писалось о жизни армянского учителя в учебнике «Грамматика и жизнь», вышедшем в 1912 году в Ереване. Таким учителем был и Баграт Гариджанян — выходец из бедной крестьянской семьи селения Баждарул, близ Александраполя, именем Лениннакан. Юношеским лет он вступил в революционную борьбу. Порой заблуждаясь, порою разделяя неправильные взгляды, он упорно искал и нашел правильный путь: пропагандист, агитатор, писатель и борец в рядах за власть Советов. В 1918—1920 годах Баграт Гариджанян — член александрапольского национального комитета большевистской партии. Следил за виднейшими ленинградскими организациями Коммунистической партии Армении, он смело выступал против подальных действий контрреволюции и соглашательских партий, пронизывал страшные речи на митингах, печатал большевистские листовки и политические брошюры, вел большую организаторскую работу среди рабочих, крестьян и солдат Александрапольского гарнизона.

В мае 1920 года в городах и селениях Армении начались массовые рабочие бунты против дашнакского режима. Рабочие-революционеры, сражаясь булавами и ее пистолетами «дашнакцутюн», посыпали империалистам потопить в крови народное движение. Во время восстания и в последующих боях пала срамные трехсот борцов революции, лучших сынов и дочерей армянского народа.

Баграт Гариджанян был схвачен дашнакскими бандитами ночью. В тюрьму заточили и его жену Арmeni с двумя маленькими детьми, от которой пытались узнать место пребывания других участников восстания.

Вскоре Баграт Гариджанян как одного из видных революционеров переведен в ереванскую тюрьму. Перед отправкой он с прописью в своемной камере в Александраполе: «Здесь будущий кабинет дашнакских министров».

31 мая дашнакские власти назначили судебный процесс над участниками восстания. И вот в зале чрезвычайного суда, отказавшись от государственной защиты, выступает с собственной речью, написанной по-русски в тюремном каземате, революционер Баграт Гариджанян. Его слова звучат как набат, вспыхивая в силах и укус в судей-палачей, в министров-предателей:

— Как видно из обвинительного акта, вы приговариваете меня к смертной казни... Я стою перед вами не как судимый на законных основаниях, а как революционер, политический противник, являющийся могильщиком господ дашнаков.

Я глубоко убежден, что, ориентируясь на империалистические государства, правительство Армении в лице господствующей партии дашнаков поблуждывает последние остатки многострадальной трудовой массы Армении. Ницы — армянская трудовая масса — могут спастись умирающую от голода и страдающую от насилия и произвола Армению только решительным толчком, противу руки к советской матери — России...

Настали последние дни жизни горстки племенных революционеров. Стражийский тюремный режим не допускал никаких связей с женщинами. Но же Баграт приходил к мужу на синевину, переворачивая ему через решетку мясличного супа Гаргира. В пленках ребенка были письма с золотом, партийные документы. Таким же путем она получала и передавала подпольщикам письма из тюрьмы...

Кровавый террор дашнаков вызвал гневный протест у народов Советской России. По поручению В. И. Ленина миссия РСФСР в Грузии шлет правительству Армении телеграмму за телеграммой, ультиматум за ультиматумом с требованием прекратить жестокие расправы над армянскими коммунистами.

Страшась возмездия, контрреволюционеры подло, по-воровски вылезли Аллавердяна, Мусателяна и Гариджаняна из тюрьмы и расстреляли их на один из глухих окраин Еревана. Это произошло 14 августа 1920 года. Год спустя победившие пролетариаты Советской Армении нашли останки героев и с почестями похоронили их в саду Коммунаров.

Советская Армения — один из ярких примеров, который показывает угнетенным народом, как социалистическая революция в очертаниях. Такой политический срок положил конец отсталости и инфильтрации, привнес вымпел революции, единство, к экономическому и культурному процветанию.

Есть цифры, которые, как писали! В 1920 году по сравнению с 1913 годом валовая промышленность Армении увеличилась в 70 раз, а сельскохозяйственное производство в 4 раза. За последние 35 лет населения республики более чем удвоилось.

В маленькой Армении насчитывается 13 высших стационарных и 8 зальных вузов. В них учатся 18 тысяч студентов. Любопытно, что из каждые десять тысяч населения в республике приходится в 16 раз больше студентов, чем в соседней Турции. За советские годы количество средних школ в Армении увеличилось в 100 раз. Здесь созданы Академия наук, десятки институтов и научно-исследовательских учреждений.

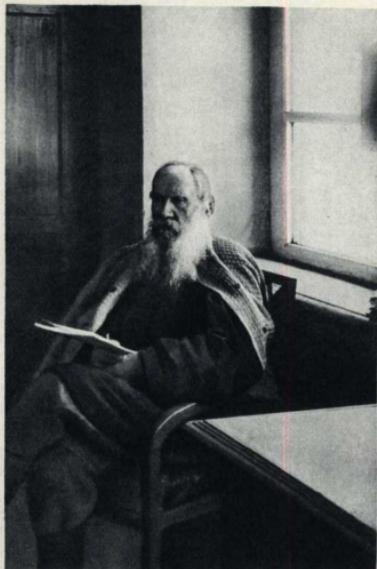
В республике свято чтят память героев революции и гражданской войны. Имена Аллавердяна, Гариджаняна, Мусателяна и других выдающихся армянских революционеров присвоены улицам, колхозам, школам, пионерским дружинам, на их могилах установлены памятники вечной славы.

И сейчас, когда на земле нашего многонационального государства торжественно отмечают сорокалетие Армянской советской социалистической республики, мы еще и еще раз с огромным уважением и любовью вспоминаем имена рыцарей революции, отдавших все свои силы и жизнь для победы правого дела.

АРМЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ
40 ЛЕТ И ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ЭТОТ ЗАМЕЧА-
ТЕЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК РАДОСТЬ ВСТРЕЧАЮТ
СТУДЕНТКИ КОМСОМОЛЯ ЖАННА АМАРЕВА-
НИЯ ДИДИЧЕВА И ЕКАТЕРИНА ГАГАРИНО-
ВИНА, КОТОРЫХ ВЫ ВИДИТЕ НА СНИМКЕ.

Фото Г. Дубинского

ПУБЛИКУЕТСЯ В ПЕРВЫЙ ЧИМОС ПРИСЛАН НАШИМ ЧИТАТЕЛЕМ П. Д. АЛЕКСЕЕВЫМ ИЗ Г. ЛЕВЕДЯНИ, ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ.

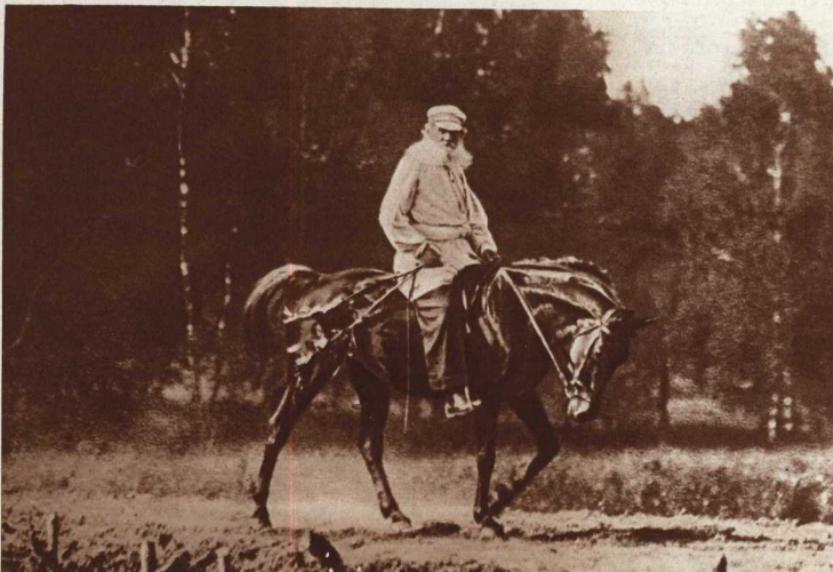

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ В СЕЛЕ МЕЩЕРСКОМ, У ПОКРОВСКОЙ ВОЛЫНЦЫ. 16 ИЮНЯ 1910 ГОДА.

← ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ В БИБЛИОТЕКЕ. ЯСНАЯ ПОЛЯНА. МАРТ 1909 ГОДА.

РЕДКИЕ СНИМКИ Л. Н. ТОЛСТОГО

ЕЗДА ВЕРХОМ — ОДНО ИЗ ЛЮБИМЫХ ЗАНЯТИЙ ПИСАТЕЛЯ. ЯСНАЯ ПОЛЯНА, 1908 ГОД.

ГЕНИЙ С МОЗОЛИСТЫМИ РУКАМИ

(К пятидесятилетию со дня смерти Л. Н. Толстого)

По лугу, залитому ярким солнцем, бодро шагает крепкий старик в светлой холщовой блузке с полотенцем на плече. С детства знакомы и близки нам черты его лица. Это Лев Толстой. Быть может, в одну из таких прогулок родились строчки в его дневнике: «В нагроможденных облаках просвет, и там, как красивый неправильный угол, солнце. Все это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания, только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем». Эти слова с полным правом можно отнести к жизни самого Льва Николаевича Толстого.

Нам бесконечно дорог гениальный художник слова, который, по словам В. И. Ленина, «умел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировом художественном литературы».

С ранних лет мы читали и перечитывали его бессмертные творения. Созданные им гениевые образы Наташи Ростовой, Пьера Безухова, князя Андрея, полководца Кутузова, простых русских воинов, защитников Москвы нам близки и дороги. Нас глубоко волнует судьба затравленной «светом» гордой и обаятельной Анны Карениной. Надолго запоминается читателю славная русская женщина Катюша Маслова, которая, несмотря на трудную жизнь, полную горя и муки, не сломилась и нашла в себе силы к духовному возрождению. Сколько титанического труда, какое богатство душевных сил вложил Толстой в эти такою очерченные художественные образы!

В одном из писем своему другу поэту А. Фету он говорил: «Для того чтобы работать, нужно, чтобы под ногами выросли подмостики. И эти подмостики зависят не от тебя. Если становишься работать без подмосток, только потратишь материал и завалишь без толку такие стены, которых и продолжать нельзя». Художественное произведение Толстого аллегорически уподобляют архитектурному сооружению. Подмостики здесь служат многочисленными набросками, планами, черновиками. Еще работая над одним из ранних своих произведений, Толстой записывает: «Надо навсегда отбросить мысль писать без правил». От этого правила писатель не отступил всю свою творческую жизнь, в последние годы жизни он любил приговаривать: «Будет просто, если переделать раз со стоя». Не жалея сил и труда, снова брался за перо, что-то вычеркивал и что-то новое вносил в текст. Тысячи рукописных листов и корректур с исправлениями — живые свидетели его большой требовательности к своему писательскому труду.

Толстой вообще не переносил праздности. Он придерживался твердого распорядка дня. Литературной работе обязательно предшествовал простой физический труд. Занятия хозяйственными делами становились одновременно необходимой внутренней зарядкой для напряженной умственной работы в кабинете.

В облике писателя живо сочетались мудрость гениального художника с предельной простотой его собственной жизни, гнев и ненависть к угнетателям народа со скромностью, добродой и отзывчивостью к крестьянам. Этим-то и объясняется большая любовь и уважение простого народа к творчеству и личности Л. Толстого.

...Вскоре после похорон Толстого в Ясную Поляну стали сте-

НА ПРОГУЛКЕ В КРЕКШИНО. СЕНТЯБРЬ 1909 ГОДА.

наться различные журналисты. Многие из них заводили беседы с крестьянами, пытались узнать отдельные подробности жизни и творчества писателя. Корреспондент одного из буржуазных журналов, обратившись к дворовому человеку в Яснополинской усадьбе, спросил: «Что вы знаете о писательском труде нашего великого писателя графа Льва Николаевича Толстого?» На что получил полный достоинства ответ от крестьянина:

«Писал он, это правда... И было, идет, остановится вдруг, книжечку маленьку достанет и запишет что-то... Но что вам до него, понять не могу. Ведь наш он, а не ваш. Нашей мужикской жизнью жил, добрым человеком он был! И мы его любили».

И нам, советским людям, дорог Толстой — великий труженик в художественном творчестве и в жизни.

Хр. КОШАЕВ

СОПЕРНИК ВЕТРА

А. САЛУЦКИЙ

Xорошая традиция подобна скжатой пружине, когда одним концом упирается в прошлое, другим — в настояще. Она не дает пятиться назад. Она все время толкает вперед.

И в трудные минуты эта пружина здоровья помогала Петру. Не позволяла ему уронить славу советского спорта, славу братьев Знаменских, славу Владимира Казацкого, славу Владимира Куды. На римском «Стадио Олимпико» эта пружина бросила его вперед за 800 метров от финиша — в невиданный для стартеров-десятитысячников спурт.

Никогда еще с ним не случалось такого! Четыреста метров — вот его норма. Именно на последнем круге успевал он обычно вырвать победу. Именно здесь был у него расчет: считай каждый шаг, каждый метр. Что ни говорят, а скромный парень из 24 предыдущих кругов к тому, что осталось, приходится относиться особенно бережно.

Однако на этот раз было не до расчетов. График бега был уже сломан. Петр все равно не знал, сколько сил осталось в запасе. Он должен был рискнуть...

И Болотников рискнул...

3а последние годы на легкоатлетическом небосклоне, где раньше так яро сияли целые созвездия американских имен, произошли серьезные изменения. В США молодой спортсмен, хотя бы раз показавший отличный результат, наделяется десятками различных прозвищ, утверждающих одно: «Ты сверхчеловек», «Сверхчеловек» — прозвища отвечающие за отсутствие постоянных восклицаний и терпят спору там, где победу надо вырывать боем. Он теряет способность бороться и, плавая в атмосфере настоящей борьбы, скверит. «Звезды» не получают. Получается лишь «метеор» — мельнув в небе и исчез...

И пока мелькали эти американские «метеоры», главным светилом на легкоатлетическом небосклоне становились советские спортсмены. Вокруг них не было сверхъестественного ореола. Это были скромные советские труженики, которые предпочитали линийный час потренироваться, чем давать интервью о будущих великих победах.

Именно таким был Петр! Еще в начале своего спортивного пути он показывал, что ради побед, подняться через горечь поражений. И потому не переставал работать над собой. Большой успех пришел неожиданно: на I Спартакиаде народов СССР он выполнил норму мастера спорта и сразу попал в олимпийскую сборную. Теперь он был рядом со своим кумиром — Владимиром Кудым. И где-то в самых скромнейших тайниках души начали зарождаться у Петра мечта — победить Куду!

Болотников начал изучать своего соперника. Вдумывался в его тактику резких рывков. Следил за каждым выступлением, как метрикой тренировок. Приучил себя к Куду.

И вот тренировочный сбор в Ташкенте перед Мельбурнской олимпиадой. Обычно Болотников тренировался на мягком грунте, в лесу, не на стадионе. Но тут кто-то посоветовал ему принять участие в контролльном забеге марафонцев на 20 километров по шоссе.

Старт... И финиш... Бежалось легко. Первый разорвал ленточку, пробежал по инерции несколько метров — едва перешел на шаг, как сразу подскочил вперед. Был в господствующем темпе.

Было признано восходящим малой берцовой надкостиной. Асфальт сыпал рюкзаком руки. На Мельбурнской олимпиаде — пришелся доводиться играть роль зрителя. Посмотрел Болотникова на триумфальный бег Владимира Куды. От души порадовался за товарища... Решил, вернувшись на родину, бросить спорт. Но только занялся об этом в своем родном «Спартаке», как сразу понял: не может он подвести товарищей. Друзья не дали Петру уйти с беговых дорожек!..

И снова начались упорные тренировки. В 1957 году Болотников завоевал первую в своей жизни золотую медаль, да к тому же в международных соревнованиях фестивале! С этого момента он всерьез начал «пристреливаться» к Куду...

И вот появление страны 1957 года. Куда верен себе. Быстро. Высокий темп. Емыкин. У Петра одна эдакая — не отстать! Бежит и твердит про себя: «Не потерять контакт! Удерзаться до последней прямой!». А на последней стометровке он должен выиграть: у Куды абсолютная скорость меньше. Но как далеко до последней прямой! И вот уже на различии темпов патен потяг на красной майке Куды. Нет, нет, сегодня Петр не даст сопернику оторваться!

И снова бежит «танцем» лучших бегунов Советского Союза. Держись, Петр! Еще раз...

И так до конца. Так все 9 900 метров.

А потом?.. Потом соревнования. Петр так ошибся в оценке из-за того, что раньше не мог выбраться на ворсине спустинку подъема стартовой почеты. Да и неиздумано было как-то. Ходит, обмыл он: все время бежал вторым и вдруг выиграл. В этот момент чья-то рука поддержала его. Куда помог победителю?

— Становись, Петр. Ты чемпион!..

Пришли большие победы. Но по-прежнему та же тренировка была. Петр, так же совершенствовал тактику. Теперь уже не тактика Куды, а свою собственную. Отказался Петр от резких рывков на дистанции. Берег силы для последних 400 метров. У него появился свой почерк.

И только начал было Болотников привыкать к почерку, как стал участником матча ССР с СССР. И потерпел поражение. Пришел к финалу четырехтысячника, последней. Так было обычно и горько, что снова смалодушничал. Опять решал было рассстаться с горячей дорожкой. На этот раз вырынул случай.

Перед отъездом на СССР американцы хором заглянули: «Если этим составом приедете к нам на стартовый матч через год, распишем вас в пух и прах!»

—Что?! Я вам расшибу! — расплакались, что Петр. И решил из принципа доказать, что он способен.

Бежать первым настолько же почетно, сколько трудно. Поэтому не всегда следует гнаться за популярностью лидера. Можно потерять победу. Самое главное, бежать первым чрезвычайно сложно.

морально. Противник видит тебя. Он слышит твоё дыхание. Чувствует твои силы. А сам остается загадкой. Ты борешься с ветром, а он пристройся за твоей спиной и бережет силы!

Тактика Куды была оправдана. Он был на голову старше их. А ты, Петр? Или слишком ли ты рискован? все время лидируя? Ведь твой противник любит «отсиживаться» за чужими спинами!

И хотя Петр знал, что для него возглавлять бег немыслимо, частично делал это. Поэтому что знал он и другое: хочешь стать классным стартером — беги на результат, а не на выигрыш! Учись бороться с временем!

Два противоположных метода стыковались в его тактике. Но чем ближе к новым Олимпийским играм, тем больше превалировал второй. Стремясь задавить нужный темп бегу, Болотников все чаще выходил вперед. Он знал: в Риме будет трудно. Не только потому, что Олимпийские игры собирают лучших из лучших. Солнце, ослепительное итальянское солнце, станет чуть ли не главным притяжником...

Франклинийский стадион «Франклинифилд» вспыхнул от ярких залыхался от дыхания. Тридцать шесть гранитов в тени при 96-процентной влажности! Да и пресса подавала жару. Анилазы глаголят нестриженые заявления о будущем разгроме советской команды.

Ужасная жара не смущала Петра. Наоборот. Это же прекрасная репетиция перед Римом! Надо постараться полностью проверить свои возможности. Ни бег на 10 000 метров, в котором Петр не участвовал, положил конец оптимизму. Только один Десятичук сумел благородно закончить дистанцию. Один из американцев во время бега вдруг остановился, повернулся кругом и побежал в обратном направлении. Да, жара давала себе знать. «А вдруг и я не дотяну...», — дрожал Петр. — Ведь 5 000 метров тоже не штука!..

Когда потом Болотников финансировал первые, дурацкие подхваты и его на руках вились в раздевалку. Ведь его победа дала решающий перевес нашей команде над американской!

На горизонте уже показывалась Римская олимпиада. Рутины предолимпийских комментариями впадали в реки предсказаний и заливали страницы газет морями прогнозов. За океаном кто-то подымалась в психическую атаку, предпринимая все возможное, чтобы морально подавить советских атлетов. Чуть ли не каждый из присланных известий о новых мировых рекордах и выдающихся достижениях. Титулы олимпийских чемпионов дорожали с каждым часом...

И вот на конец город на Тибр. Город на семи холмах. Выпал из самолета на рапеском аэродроме «Чампино». Болотников поднялся ослепительному солнцу: «Мы с тобой дважды, но ум знахомы!» Через нескользкий дюйм высыпалось, что Петру предстоит стартовать на «десятке» вместе с Жуковым и Десятичуком. А «десятка» — последний вид легкой атлетики, который проводится на «Стадио Олимпико». Время, чтобы еще и еще раз проверить график бега, угощений тактики. Усложнился с тренером о сигналах. Ведь Григория Иосифовича Никифорова на беговую дорожку не пустили. Придется сидеть на трибуне. А в урагане эмоций, который сипрингует над «Стадио Олимпико», ничей голос услышать невозможно. Вот и ре-

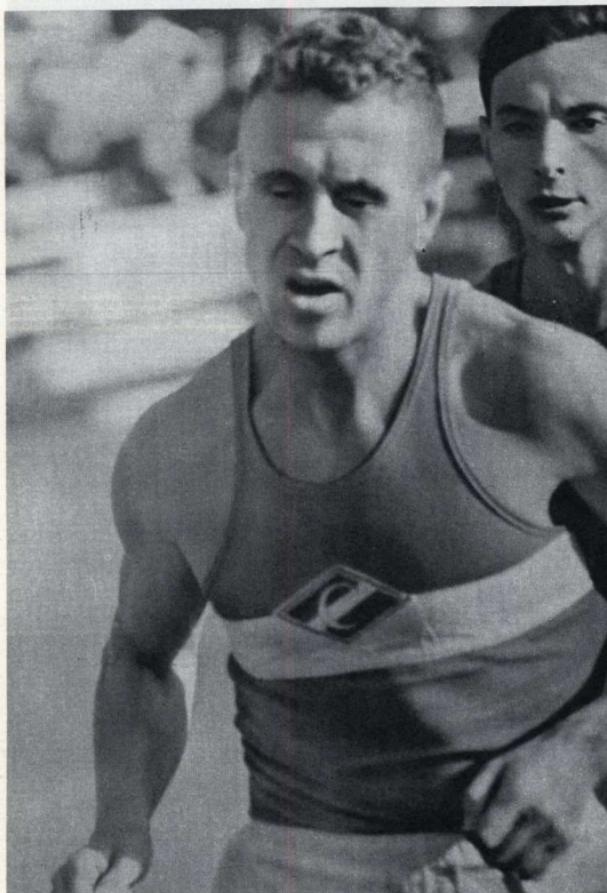
шили: если Петер идет по графику, тренер дает вертикальную отмашку рукой, если «заявил» — горизонтальную.

Вроде бы все было ясно. Противники хорошо знакомы. Известна их тактика. Они тоже хорошо знают Петра. Борьба пойдет на равных! Рад он стартует — должен думать только о выигрыше. Однако важно еще не «перегореть» до старта, оставаться спокойным. Решающая борьба будет на последнем круге!

Все планы рукинули уже на старте. Сорок четыре человека в забеге! Такого количества участников в «десятке» еще не было в мире. И когда эта масса разогнулась по первому выражу, Петер испугался: в такой толпе нетрудно получить травму. Заденет кто-нибудь пальцем по ноге — и пронять мечта.

А впереди уже Жуков. Режет грудью воздух. Ведет за собой цепочку бегунов. Надолго его не хватает. Не выдержал.

Фото А. Бурдукова.

Петр начинает нервничать. Видеть впереди себя пятнадцать спин — такое может любого вывести из равновесия. И нервишки не выдержали — бросился вперед, в голову разноцветной змееки.

Три с половиной километра лидировал он, таща за собой длинноящий хвост. Ставился измотать противников и все время чутко прислушивался к себе. Понял что жалоб не было.

Начинают уже напоминать о себе пройденные километры. А передние поддаются, поддают темп. Отмыкал глазами тренера. Что такое «Городок»? Городок — это азиатский «человек-хронометр» финиша Нурума бегал с секундомером в руке. Петру этого не нужно. Он с точностью до 0,2—0,3 секунды чувствует время, за которое пробегает круг. Да и на 1 000 метров больше чем на три секунды не ошибется. Почему же тренер сигналит тревогу?

Лидеры меняются чуть ли не через круг. Ну и темп! Еще чуть-чуть, и будет, что на

зывается, немноготу. Чья-то спина впереди стала расплываться, то уходит куда-то влево. Вираж! В глазах рабят. Мелькала глупая мысль — сойти. И тут же сам себе: «Ведь прекрасно знаешь, что же не сойдешь!» Никогда не сходил и не сойдешь! Поэтому что стоит сдаться один раз, и ты уже не спортсмен. Не сможешь больше бороться.

Петр пришел в себя. Выстроил обстановку. Остается два километра. Ихарсон и Рэдди сдали. Но и у тебя сил в обрез. А сейчас начнет финишировать Городок. Такая уж у него тактика. Так и есть! Что делать? Быстро си си хватит? Но ноги не дают ответа, уже заработка быстрее. За 1 200 метров дружок вышел вперед — Кипшишвили. Где он? Неужели не выдергалася? А самому складать уже нечем. Это уже кризис. Все склады остались на дистанции.

«Рискуй! — на это си си хватило. Но ноги не сгибаются, не сгибаются! Неужели он слабее тех двоих? Почему же не может их обогнать? Как так не может? Еще разык — и Болотников становится вторым. Еще, еще разык... До финиша совсем измного!»

И когда Болотников, обогнав Городок, вырвался вперед, резерв сил кончился. Он был готов упасть.

Стой! Ведь первый гимн, который услышал этот стадион, был советский! Неужели ты не сумеешь сделать так, чтобы и последний гимн был нашим? Петр! Ради традиций! Ради мечты!

И на последних двухстах метрах Болотников снова ринулся вперед. Городок был сломлен...

Его поздравляли целовала, обнимали. А он не помнил — заключительная дистанция или соревнование. Он никак не мог понять, что на 13,4 секунды превысил олимпийский рекорд и только 1,8 секунды не дотянул до мирового.

Мечта беспредельна! Стоило сбыться одной, как немедленно появляется другая.

Выступление в Риме оказалось знаменательным не только своей победой. Успех — это, конечно, отличие. Но важнее и другое. На «Стадио Олимпико» Петя пробежал на 12,8 секунды быстрее, чем предшествовал его график. И это в сильную жару. Значит, не знал он раньше своих сил. Не учтивал всех своих возможностей!

Кубань-Приазовье, победы Владимира Куда в соревнованиях... Тогда он считал это просто удачей. И не мыслил даже превысить лучшие секунды знаменитого бегуна. Теперь же Петя понял, что и это возможно. Побить рекорд Куда! Штука ли, превзойти рекорд, который считался феноменальным, да еще на финише труднейшего сезона!

Взвесив все «за» и «против», Петя и его тренер пришли к выводу: новый рекорд возможен! Петя чувствовал себя превосходно. Что ни старт — личное достижение. У бегуна будто крылья выросли. Он выходил на старте в полной уверенности, что без обязательного принесет прекрасный результат...

И вот 15 октября. День неожиданный, чьем день его олимпийской победы. Известно, что впереди беговая дорожка киевского стадиона имени Н. С. Хрущева с одним желанием, вернее, с мечтой — еще раз победить Куда. Побить его мировой рекорд на дистанции 10 000 метров. У него был грозный соперник — график рекордного бега Куда. С ним заочно боролся Петя. И победил! Когда бегун прошел последний, 25-й круг, судейские секундомеры отметили фантастический результат — 28 минут 18,8 секунды. На целых 11,6 секунды лучше рекорда Владимира Куда!..

Недавно наша страна чествовала героя Олимпийских игр. В числе лучших советских спортсменов Петя Болотников был награжден орденом Ленина.

«Как же мало я все-таки сделал для такой большой награды», — подумала тогда он. И твердо решил: «Теперь у меня и мысли не появятся, чтобы оставить спорт. Но скажу с беговой дорожки, пока бьется сердце!..»

ПОКАЗЫВАЕТ «СМЕНА»

Лев
ВОДОЛИН,

специальный корреспондент газеты «Правда». С июля по сентябрь этого года находился в Конго. Был свидетелем событий, приводивших к себе внимание всего мира.

Эти снимки я сделал в Республике Конго, где вот уже несколько месяцев идет напряженная борьба народа за свое освобождение, против колонизаторов и их приспешников. Все это было использовано колонизаторами, чтобы задавить народное движение и подорвать национальную независимость. И за восемь месяцев невозможно наблюдало представителей, которых призвали на помощь, законные правительства Конго.

Два раза сюда приезжал генеральша Хаммаршельд. Что приносил он? Ничего! Конголезиям, склонным марксистам Чомбе с колониальными лидерами, и выступил в Конго генеральный секретарь ООН.

Именно поэтому молодежь конголезской столицы встречала Хаммаршельда не искрами приветствия, а лозунгами: «Хаммаршельд, ты никому не нужен», «Конго остается единой», «Вышли из белый склона войска» (фото № 1).

Молодые люди, живущие на улицах, когда и власти независимого Конго рвались мертвогородом «правительства» Иллео, «скорее смерть, чем правительство», «убийца» — этот плакат стоял в центре митинга проходимо прогрессивными молодежными организациями конголезской публики в Леопольдии (фото № 2).

Генералитет думали, что после их ухода Конго станет мертвым городом, где останется без работы, без средств к существованию. Но жизнь не замерла. Одни работали на машинах, другие — орудиями труда, в джунглях, на рядах работали труженики молодой Республики.

Звенят топоры, отскакивающие от упрогого тела «живинки» — одного из центральных деревьев Африки. В джунглях Восточной провинции Конго, в окрестах города, рубят эти деревья...

За порт в Киншасе морские корабли республики (фото № 3) и белые бельгийские пароходы Конголезии груженые откапываются работать на советском пароходе «Ленинград». Это привозят от порта Сомбонга Сомбонга Даэзупутон, днем и ночью, разгружаясь советский корабль, привезший сахара из Бразилии. Он же, в свою очередь, везет, что не вошел в порт, и привез разгружать его из низовых рек.

А за полтысячи километров от моря, в столице конголезии принимали дружеский парад для продовольствие, привозимое из конголезских лавнерх «Н-18» (фото № 5).

«Да здравствует, «стакан мира» — так писали на плакатах конголезцы. Но почему в их руках щиты и дубинки (фото № 6)? Идет народная демонстрация против конголезской «живинки», подготавливаясь... «А в остальном они беззатратны и ни во что не верят», — писали в газете. Заголовки колонизаторов, пусть Республика разрывается на части империалистов, химикатов, пусть марionетки терроризируют народ — это их не касается...

Л. ВОДОЛИН

УДАР ПО КОЛОНИАЛИЗМУ!

2

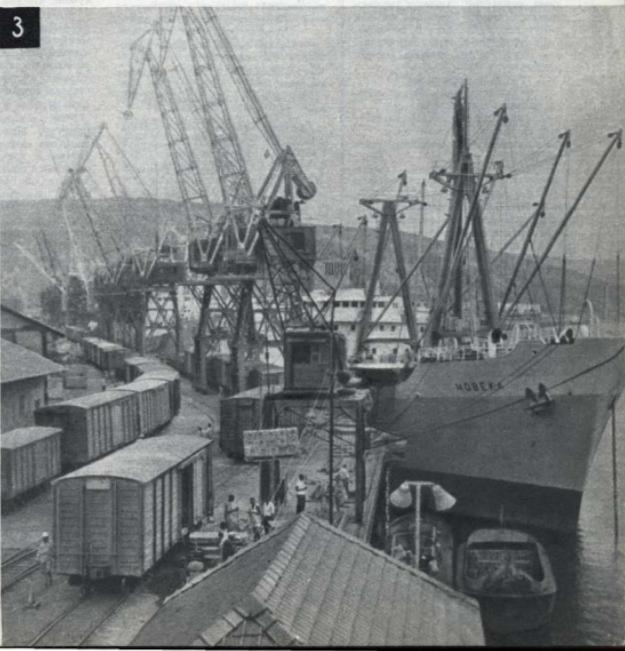
1

6

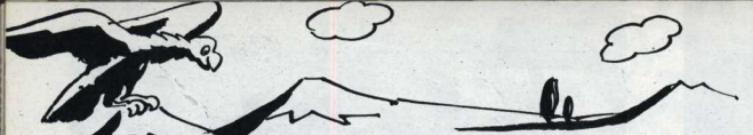
4

3

5

"КАЗБЕКСКАЯ" ИСТОРИЯ

С. ШАТРОВ

ЮМОРТИСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Мы сидели в ресторане «Кабек» за синхронным горным криком на паромной остановке в деревне Степаново. От огня из гончарной утвари поднималась прекрасная волна из куриных перьев. За горячкой шла здоровенный ватнаторг: битый дичь, фланы вина, откроинутый бокал. Ростки кончались у ажурного помоста. Джаизсты сидели на высоких табуретах, задрапированных золотистыми плащами. Несмотря на ранний час, музыканты были уже немного наизнанку. Они пытались разгадывать публику и лепко перебрасывали решимости.

К нам подошел официант, пожилой мужчина с толстым обручальным колцом на левом мизинце. Он подал меню в дорогом кожаном переплете. Катя подвигла книжку и заказала слад и две порции биток по-казакски, самое дешевое из всех блюд.

— Пить будешь? — спросила официантка.

— Как же, — сказала я.

— «Столичную»? «Обуюю»? «Юбимую»? Из компаний имеются: «Ереман», «Пять звездочек»...

Лимонад будем пить, — сказала Катя.

Лицо у официанта сделалось бледное. Мне стало неудобно, и я замолчала еще бутылочку сухого вина.

Официант исчез вдогонку. Он видимо, решил не сашком церемониться с нами. Появился он так минут через двадцать и сообщил, что биточки по-казачки кончились.

— Что тогда дайт котлеты по-домашнему?

— Их нетте.

— Судяк отварной, — сказала Катя, заглянув в меню.

— Судак за обедом кончился.

— Яичница, — сказала Катя.

— Яичница кончилась, — сказала я.

— Точно, — подтвердила официантка.

— Суши-то есть? — сказала я.

— На кухне случилось несчастье. Некому работать? Но я спросила, все кончились.

— Смотри для кого, — не скрывая своего презрения, сказала официантка. — Порционные блюда все налило: фирменный шашлык «Казбек», сациви, чашеное табака...

Официант перечислил блюда, но глаза на нас словно не заметил, искривил губы. Вздохнул и вспомнился бросок винстека членом компании. Впереди шел рослый парень в черном свитере крутой ялы, в широких брюках без отворотов. Каштановая бородка обрамляла его молодое лицо. Девушки, что сидели за столом, покинули ее, меж столовиками. Ритм все убыстрался, в музике сальсыились тревожные паровозные гудки, барабан и контрабас имитировали перестук колес бензено-мачтующих поездов и саксофон вспомнил вовсе, как бы предчувствиями. Голоса, гитары, барабаны, кружились в пространстве, соединяясь в неистовом ритме, только Родыка, небрежно дерха брюнетку за талию, еле передвигал ноги. Он волочил их словно его башмаки были подбиты свинцовыми водолазными подушками. Брюнетка тоже еле отдергала туфельки от пола, и у обнаженных ног вспомнили физиономии. Они не глядели друг на друга, изредка некоторыми артистами фразами, сбитыми из russkikh и angliyskikh слов, искаженных произношением.

— Жарко, — сказала брюнетка... Сложи официанту, чтобы открыла виноду.

— Иес, — сказала Родыка. — Откроем виноду.

И вдруг... — сказала Родыка. — Тебе-то что? А-а, понимаю, подают бутылочку, и зайди выпить в них пару дыроками носком...

— А-а, — сказала Родыка.

— Я вам столовые оставлю, — сказала занависывающая официантка.

Он подвел их к соседнему столику и показал на табличку: «За него». Адептство.

— Бзда, Пахомых... — сказала парень, и тут я узнала его, несмотря на бородку. То был Родыка из нашей школы.

— Что будем кушать? — спросил Родыка, когда все расселись за столиком.

— Не знаю, — противнула брюнетка.

— А ты?

— Смотри что будем пить, — сказала блондинка.

— Бзда, — сказала Родыка. — Начнем с выпивки. Кто сегодня бармен?

— Сегодня в буфете работают Алексей Павлович, — ответил официант.

— Бзда! Ему, чтобы было силь для меня коктейль, «Золотой шар». Три коктейля.

И Родыка по возможности громко облизнула, какой он любят коктейль, и затем долго и, видимо, со знанием дела заказывала ужин, после чего величественно отступила притянувшись ульбакой официантки. Я посмотрела на Катю. Она сидела, не обворачиваясь, не глядя в сторону Родыка, но я отлично понимала, что это она.

Родыка закрутила сигарета. Абзац акзы, золотой, не рано распомнивший человек, перепнулся через барабан и весело крикнул:

— Привет, Род!

— Салют! — так же весело отозвалась Родыка.

— Девочки скучно? — спросил удивленный.

— Девочки хотят поразмыть kostи.

Ударине кивнула. Зашумел барабан, изящная джаизсты изговаривалась. Трубач вскинулся трубу, и оркестр пустился с места в движение гамаком.

Родыка встал со стула, сидом поднялась брюнетка, и они пошли, покинувши меж столовиков. Ритм все убыстрался, в музике сальсыились тревожные паровозные гудки, барабан и контрабас имитировали перестук колес бензено-мачтующих поездов и саксофон вспомнил вовсе, как бы предчувствиями. Голоса, гитары, барабаны, кружились в пространстве, соединяясь в неистовом ритме, только Родыка, небрежно дерха брюнетку за талию, еле передвигал ноги. Он волочил их словно его башмаки были подбиты свинцовыми водолазными подушками. Брюнетка тоже еле отдергала туфельки от пола, и у обнаженных ног вспомнили физиономии. Они не глядели друг на друга, изредка некоторыми артистами фразами, сбитыми из russkikh и angliyskikh слов, искаженных произношением.

— Тебе лучше уйти, — сказала я.

— Проводишь к своим герлз и к своим друзьям, что делаете дяди околаокружившиеся около Центрального телеграфа. Иди пей свой кальвадос...

— А кальвадос неплохо, — сказала Родыка. — Жалко, у нас его не доставили.

— Иди, иди! — сказала я. — Поберись за иностранцами, можеш подать бутылочку, и зайди выпить в них пару дыроками носком...

И вдруг... — сказала Родыка. — Тебе-то что? А-а, понимаю, подают бутылочку и зайди выпить в них пару дыроками носком...

— А-а, — сказала Родыка. — Откроем виноду.

— Иес, — сказала Родыка. — Откроем виноду.

Я посмотрела на Катю. Она сидела совсем скучная. Ей, наверное, вспомнилось все. Но так уж много времени прошло с тех пор.

— Может, пойдем отсида? — сказала я.

— Оставляемся, — сказала Катя.

Музыка кончилась, и Родыка подала брюнетке к своему столику. И тут он увидел нас.

— Салют! — сказала он.

— Как же, как и ты, — сказала я.

Брюнетка прошла мимо, не останавливаясь.

— Все там же, на стойке? — спросила Родыка.

— А ты?

Он вынул цепочку с автомобилевым ключом и начал вертеть ее вскругу пальца.

— Как видишь, перебираюсь с водки на коньки.

— Где работеешь?

— Есть небольшой бизнес, — уклончиво сказала Родыка.

— По-прежнему попомнившие стройные ряды проезды?

Узнаю старого школьного актёра! — сунул в карман куртку и удалился. Уже сейчас мне начнут читать лекцию на тему «кто же работает, тот не ест».

— А тебе бы не мешало послушать такую лекцию.

— Не буди хулигана, — сказала Родыка. — Расскажи-ка лучше, что вы делаете на стойке?

— Трудимся, — сказала Катя.

Где включалась Нет, наверное, по кирзовым каламазам, неизвестно чьим коллегам, неизвестно чьим кавалером. Тогда я увидела Катю, с макияжем, застывшей, чистой, чистой, но у лица вспомнило ее прошлую жизнь... — И он издавательски пропел: «Ой, привет катина в поле у ручья».

Мне захотелось дать Родыке оплеуху. Поэтому руки чесались сдвинуть ему по физиономии. Но красивая, нагая, развязная, ульбакающей физиономии. Точно так же ваххаби он ульбась и оставил яблоко. И Катя, сидевшая за стойкой, неизвестно кому обиженная, с макияжем, застывшей, чистой, чистой, но у лица вспомнило ее прошлую жизнь...

— И я знал, что ты здесь, — сказала я.

— Так и знал, что ты здесь, — сказала я.

— За соседним столиком возникло минутное замешательство.

— Зачем ты пришла? — спросила никонец по возможностям спокойно Родыка.

— Как ты мог это сделать? — сказала она.

— Не понимаю, что случилось, — сказала Родыка.

— Ты отчего понимаешь? Как ты это сделал?

— Мама, здесь не место для семейных объяснений, — сказала Родыка.

— Никогда не думала, чтобы мой малайчик, мой малайчик... — Она не договорила.

Сияющая выплаточкой из стальной сумочки сунула ее в карман и прижалась к газетам. Руки ее дрожали. Да и все ее худенькие, опущенные фигуры дрожали от беззвучных рыданий.

Толстяк-брюнетка демонстративно отвернулась и начал пудриться, глядя в зеркало.

Блондинка потянулась к террору, сунула крючок и с явным интересом следила за развертывающимися событиями.

— Мама, выйдите, — сказала Родыка. — Не будьте всеми-таки...

Мать отошла платочком от мокрого лица.

— А деньги красят в матери утробе... Последние деньги, которые я отложила на отпуск! Ты же знаешь, я тяжело болею. Мне нужно лечиться. И это все, что

заголовок дам? «Встреча с тунедядей».

Это было уже слишком. Я вскочила со стула.

— А ведь не удастся, — сказала Родыка, продолжая ульбакой.

Драка в ресторане. Мне это что?

А тебя на собрание потянули. Был скандал. Перевороты произошли, лица бригады коммунистического труда — и гарутчи учинил драку в ресторане. «Ч-из! То-го, сэр!»

Все блокировало у меня внутри. Я стала перед ним с жалтыми кулагами.

— Ах да, — сказала Родыка. — Не здорово. Это меня раздражает. Досидел лучше своей интиминой слади.

Он отвесил театральный поклон: «Славок сорванчиком!» — и удалился.

Катя молчала. Я, вероятно, выглядела не слишком хорошо. Плохо я выглядела в глазах Кати, голову свою давала от отчесения.

Она вздохнула себя подбадривала, сидя в кресле.

— Еще бы, — отмечала Катя. — Снова чувствует себя победителем... Нам, кажется, пора.

Мы начали спасать официанта, чтобы расплатиться. Его не так давно было заполнено. Он непрерывно курсировал между Родыдиком и столиком, буфетом и разделочным столом.

Послушайте, — сказала я прошлогоднюю мини-юбочку с длинными краями и яркими цветами, и удалилась.

И я знал, что ты здесь, — сказала я.

— За соседним столиком возникло минутное замешательство.

— Зачем ты пришла? — спросила никонец по возможностям спокойно Родыка.

— Как ты мог это сделать? — сказала она.

— Не понимаю, что случилось, — сказала Родыка.

— Ты отчего понимаешь? Как ты это сделал?

— Мама, здесь не место для семейных объяснений, — сказала Родыка.

— Никогда не думала, чтобы мой малайчик, мой малайчик... — Она не договорила.

Сияющая выплаточкой из стальной сумочки сунула ее в карман и прижалась к газетам. Руки ее дрожали. Да и все ее худенькие, опущенные фигуры дрожали от беззвучных рыданий.

Толстяк-брюнетка демонстративно отвернулась и начал пудриться, глядя в зеркало.

Блондинка потянулась к террору, сунула крючок и с явным интересом следила за развертывающимися событиями.

— Мама, выйдите, — сказала Родыка. — Не будьте всеми-таки...

Мать отошла платочком от мокрого лица.

— А деньги красят в матери утробе... Последние деньги, которые я отложила на отпуск! Ты же знаешь, я тяжело болею. Мне нужно лечиться. И это все, что

у меня было. Боже, как ты мог!..

— Не видел я никаких денег, — пронеслось Родька. — Идем отсюда...

— Не видел! Не брал! Что же ты хочешь, чтобы я пошел в милицию?..

— Ты этого не сделаешь! — испугался Родька.

— На этот раз сделаю!

— Мама, если ты меня любишь...

— Сделаю, — тихо сказала мать. Родька вытащил из кармана смятую пачку денег. Мать выхватила их, сунула в сумочку и направилась к выходу.

— Мама! — засеменил вслед Родька. — Мне же расплатиться надо...

Мать вышла, не обворачиваясь.

— Ну и компот! — сказала Родька, обронившись на место. — Что тебе теперь делать? У тебя деньги есть? — спросила он у брионетки.

— Ни фига! — спокойно ответила она, продолжая глядеться в зеркало.

— Когда притягиваешь девушек в ресторан, надо иметь пенсы! — зло бросила блондинка.

Родька пошел в помостку джазистов. Он шепнул что-то на ухо ударили. Тот отрицательно помотал головой.

Родька вернулась, явно растерянная.

— Слушай, — сказал он официанту. — Задиши ужин на мой счет. Завтра рассчитаемся.

С лица официанта сползла улыбка.

— Не могу, — сказал он. — Вы уж извините меня, доверия нет, поскольку вы у родной мамаши деньги украли.

Гордый Родька проглатил оскорбление.

— Так как же быть?

— Придется старшину вызывать, — меланхолически сказал официант.

— Пахомич, это не по-товарищески, — сказала Родька. — Так с друзьями не поступают...

— Голубчик, не делай этого, прошу тебя, не надо...

— Надо, не надо, а вызывать придется. Такой у нас порядок...

— Обождите, не ходите, — испустила Родька, — прошу вас...

— Меня просят не к кому, — жестко сказала официант. — Я членовек маленький.

Родька молниеносно сложил руки на груди:

— Пахомич, дорогой, я займу... Определился с нашим столиком.

— Ребята, выручите! — сказала она, заплачав.

— Нет у нас денег, — ответила я.

— Ребята, не откажитесь! Мы же в одном классе сидим. Ну, что вам стоит? Вы же самостоятельные, вы же работаете, вы получаете зарплату, а я ничего не имею, на мамины подачки не проживешь, и нищий, ребята...

— Аладио, — сказал официант, которому надоели все эти канитель — Вызову директора.

Принес директор, высокий, наставчивый седеть человек, в защитном кителе с думками орденскими плавающими на груди. Официант облегченно склонился.

— Ну что ж, есть выход! — сказал директор. — Если товарищи согласятся отработать, мы не будем беспокоить милицию.

— Где отработать? — спросила брионетка Сузи.

— Ясно, что не на сцене Большого театра, — сказал директор. — У нас на кухне.

— Жарить вам котлеты! — сварливо откликнулась блондинка.

— Задиши! Постестителим. Да вам и не придется. Вы же не умеете, не так ли?

— Но приходилось! — подхалимски улыбнулся Родька.

— Тогда придется поработать подсобниками, — сказала директор.

— А что значит «подсобник»? — спросила блондинка.

— Будете чистить картошку, выносить помои, девчата! придется еще мыть посуду...

— Я не согласна, — сказала блондинка.

— А это уж ваше дело, — ответил директор. — Иван Пахомич, лейтейт!

— Нет, нет! — крикнула Родька. — Мы пойдем!

— Вот это мужской разговор! — сказал директор. — Иван Пахомич, принеси три спечки.

Официант принес три синие спечки.

— Милости просим, — сказал директор.

— Я здесь не наяду! — разозлилась блондинка.

— Надеяй, дуря! — заволновалась Родька. — Сынчишь, сейчас же!

Все трое надели спечки. Развеселенные джазисты грации гнули выхолмленной мордой из фильма «Цирк». Родьковы компании двинулись на кухню.

Я посмотрел на Катю. Кажется, она никогда избавлялась от своих старых комплексов и привязанностей. Она улыбалась. Я тоже.

— Не унижайся, — сказала Катя.

— Я не унижаюсь, — сказала я.

— Бывало, больше попадаешься в милицию. Помогите, ребята, накрохома...

— Катя задрожала губы, и мне показалось, что она вот-вот расплачется.

Я полез в карман за деньгами.

— Не давай! — сказала Катя.

— Не смея давать ни копейки!

Я спрятал деньги. Родька метнулся к своему столику.

— Играй! Суши! — сказал он.

Вы должны насстремить деньги, я не могу идти в милицию. Вы же знаете, где я живу...

— Я сказала, у меня и фига нет! — отрезала блондинка.

Губой — бой — сказала блондинка, поднимаясь.

— Меня притащили...

— Стол! — сказала официант.

Никто отсюда не уйдет.

Блондинка села.

— Так как же? Платить будем? — спросила официант.

— Ей-богу, я отдам, Пахомич,

чистое слово, — зыны Родька.

— Правильно, — вымыслил, — вздохнул Родька.

Родька кинулся к нему и начал

хватать его за руки, и скакать, и

искакивать, и говорить взахлеб

какие-то жалкие слова.

Катя отвернулась.

— Аладио, — сказал официант,

которому надоели все эти канители

— Вызову директора.

Принес директор, высокий,

наставчивый седеть человек,

в защитном кителе с думками

плавающими на груди. Официант

облегченно склонился.

Ну что ж, есть выход!

— сказал директор.

— Аладио, — сказала Сузи.

— Ясно, что не на сцене Большого театра, — сказал директор.

— У нас на кухне.

— Жарить вам котлеты!

— сварливо откликнулась блондинка.

— Задиши! Постестителим.

Да вам и не придется.

Вы же не умеете, не так ли?

— Но приходилось!

— подхалимски улыбнулся Родька.

— Тогда придется поработать

подсобниками, — сказала директор.

— А что значит «подсобник»?

— спросила блондинка.

— Будете чистить картошку,

выносить помои, девчата!

— придется еще мыть посуду...

— Я не согласна, — сказала блондинка.

— А это уж ваше дело, — ответил директор.

— Иван Пахомич, лейтейт!

— Нет, нет! — крикнула Родька.

— Мы пойдем!

— Вот это мужской разговор!

— сказал директор.

— Иван Пахомич, принеси три спечки.

Официант принес три синие спечки.

— Милости просим, — сказал директор.

— Я здесь не наяду!

— разозлилась блондинка.

— Надеяй, дуря!

— заволновалась Родька.

— Сынчишь, сейчас же!

Все трое надели спечки.

Развеселенные джазисты грации гнули

выхолмленной мордой из фильма «Цирк».

Родьковы компании двинулись на

кухню.

Я посмотрел на Катю. Кажется,

она никогда избавлялась от своих

старых комплексов и привязанностей.

Она улыбалась. Я тоже.

ЖОРТОКИЕ БАСНИ

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

Г. ШАХНОВИЧ
ИСПОРЧЕННАЯ СЛЫЧКА

Свою судьбу я, право, не корю!
Я бран? Пусть так. Зато я не скрию!

Д. СПИЧЕНКО
ТЕОРЕТИК

Филин уехал в лесосеках,
Подряжал дровосекам,
Ночью на ухах устроил
Их воровство, не срубил.
В оправдание заметил:

— Я не практик — теоретик!

И. АНДЕНКО
РОЗА И СОРНИКИ

у розы близние дружин —
Все Сорники да Соринки.
А в окружении таном
И роза стояла Соринком!

Е. ПЛАТОНОВ
НА ЧУЖИХ ПЛЕЧАХ

Обняв собой пышечный стебелек,
Взобрался вверху и расцвел.
Выясни:
— Я и до солнца дотянуться мог,
Да стебель у пышечки не высып.

Рисунки М. УШАЦА.

ХОЛОМОВ ЖЕРТВУЕТ ФЕРЗЯ

Традиционный международный турнир, организованный в середине nächsten- го года в Баку, организован шахматным клубом СССР, вызвал большой интерес. Несмотря на чрезвычайно страстных участников видные шахматисты различных стран, все первые места заняты советскими мастерами и гроссмейстерами. Победу на турнире разделили Юрий Холмов и Р. Смыслов, и чемпион Литвы Р. Холмов. Особый успех выпал на долю Юрия Холмова, который первым пополнил норму очков, уставший от соревнований и заслужил международного гроссмейстера.

Под руководством упомянутых выше явился короткий, но содержательный и красочный партия в Ульяновске. Холмов, который запоминается яркой комбинацией Холмова с жертвой ферзя, начал так промтраном этот поединок:

1. c4 e5 2. Kf3 d5 3. g3 Kc6 4. c5 Kd7 5. d4 Kc6 6. d5 0-0 7. Kf2 Kg5 8. d3 0-0 9. f3 0-0 10. Kf4 Kg7 11. Kf5 12. Kf6 13. Kf7 14. b4 g5 15. b5 Kd8 16. f4 Белым следовало воздержаться от попытки жертвы ферзя, и наступает партнер. Шахматный ход лишь «запутал» волшебную сеть, но не спас.

16... Cf1! 17. Kf6 18. fe 19. Kf7 20. C: e4 21. Kf8 22. Ld5 23. cd 24. cd 25. C: d5. Теперь смелой жертвой ферзя черные проинтигуют в не-прятливый тыл.

М. КОРНЕЦКИЙ. «А ну-ка, девушки!»

Выставка «Советская Прибалтика»

Цена
номера
2 руб.

Смена № 23 посвящается
пионерам будущего,
участникам движения
за коммунистический
Т Р У Д